

0-778617

На правах рукописи

Панов Александр Ростиславович

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РИМА С ГОСУДАРСТВАМИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ЗАКАВКАЗЬЯ В
ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ –
РАННЕЙ ИМПЕРИИ
(II в. до н.э. – начало II в. н.э.)**

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира)

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Иваново – 2009

Работа выполнена в Нижегородском государственном университете им.
Н.И. Лобачевского

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Молев Евгений Александрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Сапрыкин Сергей Юрьевич
Московский государственный университет

доктор исторических наук, профессор
Парфенов Виктор Николаевич
Саратовский государственный технический
университет

доктор исторических наук, доцент
Болгов Николай Николаевич
Белгородский государственный университет

Ведущая организация: Казанский государственный университет

Защита состоится 25 сентября 2009 г. в 9.00 на заседании диссертационного совета Д 212.062.02 при Ивановском государственном университете по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5, ауд. 101.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке при Ивановском государственном университете.

Автореферат разослан « 5 » августа 2009

Ученый секретарь
диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000549204

В.М. Тюленев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Определение характера римской политики в Восточном Средиземноморье является одной из важнейших дискуссионных проблем античной историографии, что вызвано сложностью всесторонней оценки политических и социально-экономических процессов, происходивших как в Риме, так и в странах эллинистического мира, и наложившихся друг на друга в ходе римской экспансии в восточном направлении. Именно подчинение стран Восточного Средиземноморья сделало Рим мировой державой, причем не вызывает сомнений, что внешнеполитическая деятельность Римского государства имела разнообразные формы и средства выражения и была намного более сложным и многогранным явлением, чем простая военная агрессия. С другой стороны, для населения государств, попадавших в сферу римского влияния, появление римлян и укрепление их позиций приносило как позитивные, так и негативные последствия, которые крайне сложно свести к общему знаменателю.

Особый интерес вызывает исследование взаимоотношений Рима с государствами, располагавшимися на подступах к границам Римской империи на северо-востоке, чья интеграция в состав римских провинций так и не была завершена. Несмотря на то, что данный регион зачастую обделяется вниманием в исследованиях по римской политике, сложившаяся здесь при римском участии политическая ситуация носила во многом уникальный характер. На примере государств Северного Понта и Закавказья можно проследить весь спектр зависимых от Рима политических состояний на протяжении длительного промежутка времени и в динамике происходивших перемен. Данные государства оказались зажаты между Римом и враждебными римлянам государственными и этническими формированиями, поэтому для местного населения выбор правильной политической линии имел жизненное значение. В силу этого исследование взаимоотношений государств Северного Причерноморья и Закавказья с Римом актуально как с точки зрения анализа римской восточной политики, так и в рамках изучения истории данных областей в античную эпоху.

Объектом исследования являются взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья, существовавшие как объективная реальность, нашедшая выражение в контактах политического, военного, экономического, культурного и другого характера, которые, в свою очередь, наряду с политической историей Рима и указанных государств, составляют предмет исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают промежуток от II в. до н.э. до первой трети II в. н.э. Нижний хронологический рубеж выбран как время установления первых, хотя и непостоянных, контактов государств Северного Причерноморья и Закавказья с Римом, а также как период «отладки» дипломатических и военных механизмов римской политики в Восточном Средиземноморье и определения здесь интересов римлян, что составило основу для последующей римской экспансии в северо-восточном направлении. Верхний хронологический предел включает в себя период правления Адриана и отчасти Антонина Пия, что объясняется тем, что именно при этих императорах римские

границы принимают устойчивую форму, что предопределило более стабильные формы внешнеполитической деятельности римлян в отношении соседних государств. Именно на этом этапе определились взаимные интересы римлян и их контрагентов, установились основные формы поддержания контактов и стали видны их плоды.

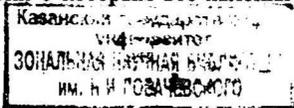
Географические рамки исследования в первую очередь включают в себя Северное Причерноморье и Закавказье, на территории которых выделяются основные государственные формирования (Тира, Ольвия, Херсонес, Боспорское царство, Великая Армения, Иберия и Албания), располагавшиеся на северо-восточных границах Римской империи и объединяющиеся в данной работе в одном аспекте – как происходило формирование и развитие их взаимоотношений с Римом, и как складывалась римская политика на этом направлении, которое обозначается как северо-восточное. Кроме того, в сферу исследования вошли территории Римской империи, главным образом придунайские и малоазийские провинции.

Целью исследования является комплексное рассмотрение процесса установления и развития взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья от самых ранних контактов во II в. до н.э. до событий первой трети II в. н.э.

Для достижения данной цели представляется необходимым решение следующих задач:

- выделить ведущие тенденции развития современной историографии и основные дискуссионные проблемы, относящиеся к теме исследования;
- исследовать цели и особенности восточной политики Рима и проследить изменения в организации внешнеполитической деятельности в связи с переходом от республиканского строя к принципату;
- дать оценку римской политике в отношении Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – раннего принципата и выделить методы, использовавшиеся римлянами для установления и укрепления своего политического влияния на указанные государства;
- проследить общее развитие политической ситуации в северопричерноморском и закавказском регионах в рассматриваемых временных рамках;
- выяснить, какую позицию в отношении римлян занимали правители Боспора и государств Закавказья, и в чем отражалась их проримская или антиримская ориентация, включая внешне- и внутривосточные мероприятия, оформление властного статуса и организацию монетного производства;
- определить внешнеполитическую ориентацию жителей северопричерноморских полисов, выделить их интересы в развитии контактов с Римом и дать оценку их усилиям по противодействию римской политике либо расширению сотрудничества с римлянами;
- реконструировать иерархию внешнеполитических интересов Рима и его контрагентов и выявить, развитие контактов в каких сферах имело для обеих сторон важнейшее значение.

Методология. Методологической основой исследования является принцип историзма, в соответствии с которым все явления и факты по изучаемой

проблематике рассматриваются в процессе их развития, в тесной связи с конкретными историческими условиями, что позволяет выявить причинно-следственные связи в последовательности исторических событий и выделить общие черты и особенности происходивших процессов.

При работе с источниками ведущим являлся метод источникового анализ, используемый для выявления и отбора источников и проведения критики их содержания. В ходе интерпретации данных нарративных источников и проверки их достоверности использовались метод текстологического анализа, лексико-терминологический и историко-критический методы и другие приемы историковедческого анализа, принятые в современной исторической науке.

Во внешнеполитической деятельности Рима и государств Северного Причерноморья и Закавказья отчетливо выделяются периоды, в рамках которых политические установки могли подвергаться серьезным изменениям, причем это касается не только тактических, но и стратегических целей и приемов. Проведение периодизации и выделение качественных изменений во внешней политике государств возможно при использовании диахронистического подхода. Само по себе исследование взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья должно проводиться не как рассмотрение нескольких замкнутых систем двусторонних отношений, но обязательно в их взаимосвязи и с учетом развития международной ситуации в других областях античного мира, в первую очередь непосредственно примыкавших к Северному Понту и Закавказью. Без учета этого фактора анализ взаимоотношений будет неполон, что приведет к искаженному пониманию исторической действительности, поэтому возникает необходимость в применении синхронистического подхода. Подобным образом большое значение для восстановления картины событий имеет историко-сравнительный метод, необходимость использования которого обусловлена стремлением объективно представить место государств Северного Причерноморья и Закавказья в римской политике, для чего требуется выходить за узкие географические и временные рамки заявленной тематики.

Недостаток информации, вызванный лакунами в сохранившихся источниках, можно отчасти восполнить с помощью исторической реконструкции и моделирования, опираясь на имеющиеся данные и используя аналогию или дедукцию, и хотя полученная картина будет в этом случае иметь гипотетический вид, для исторического исследования она все равно представляет определенную ценность.

При формировании структуры исследования применяются проблемно-хронологический принцип и структурно-функциональный метод. Это позволяет рассматривать ход событий в их последовательности, но под углом определенной проблемы, в силу чего одни и те же исторические явления могут неоднократно привлекаться для анализа разных их сторон. Поскольку внешнеполитические взаимоотношения предполагают существование по крайней мере двух субъектов, которые, будучи вовлечены во взаимодействие друг с другом, все же имеют обособленные интересы и мотивы своей деятельности и прилагают целенаправленные усилия для достижения своих целей, представляется необхо-

димым не только изложение фактов, но и исследование взгляда на события с обеих сторон.

Кроме собственно исторических методов исследования плодотворными могут оказаться и методы, используемые в других науках. Так, применительно к анализу римской политики значимостью обладает децизионный метод, используемый обычно в политологии, при котором изучается процесс принятия внешнеполитических решений, особенности которого оказывали заметное воздействие на формирование внешнеполитического курса государства, особенно в период Империи.

Таким образом, в исследовательской работе применяются самые разнообразные методы, комплексное применение которых делает возможным достижение желаемых результатов при анализе взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья.

Источниковая база. Для анализа взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья должны быть привлечены разнообразные виды источников, однако первостепенное значение имеют нарративные источники, среди которых можно выделить две основные группы.

Наибольшую ценность имеют сведения, приводимые в сохранившихся работах греческих и римских авторов, где освещается внешнеполитическая история Рима и в той или иной степени уделяется внимание народам, проживавшим за пределами Римской империи. Правда, сведения античных авторов о Северном Причерноморье и Закавказье в массе своей кратки и фрагментарны, поскольку для большинства из них данные регионы были далекой окраиной греко-римского мира. Также необходимо отметить присущий многим античным историкам романоцентризм, усиливший субъективные начала в оценке излагаемых ими фактов и явлений. Традиционная установка римской историографии на выражение превосходства римлян над другими народами находила отражение в том, что области Северного Причерноморья и Закавказья рассматривались с точки зрения перспектив распространения на них римской власти, что толковалось как принесение местным жителям блага, в то время как любая попытка сопротивляться римской политике обычно оценивалась крайне негативно. В данном случае мы зачастую лишены возможности взглянуть на те или иные внешнеполитические события и процессы с двух сторон, чтобы получить основу для взвешенных оценок: львиная доля информации поступает из рук представителей римского мира, в то время как противоположные точки зрения представлены единичными примерами.

Первые сведения об установлении взаимоотношений Рима с Арменией и жителями Северного Причерноморья приводятся в работе Полибия, которая ценна также достаточно полной и точно построенной картиной развития экспансии Римской республики в Восточном Средиземноморье. Сведения Полибия крайне важны для анализа процесса римской экспансии: хотя по прошествии времени методы римской политики видоизменялись, общие принципы взаимоотношений Рима с зависимыми государствами, безусловно, сложились в период, которому посвящена «Всеобщая история». Сохранившиеся книги Тита Ливия также могут быть использованы для реконструкции внешнеполитических

принципов средней Римской республики, что облегчает понимание особенностей римской внешней политики более позднего времени.

Из современников событий I в. до н.э. лучше прочих о ситуации на припонтийских территориях был осведомлен Страбон. Исторические вставки в «Географии» немногочисленны, и материал по политической истории подается как дополнение к географическим описаниям в виде ассоциаций, аналогий и доказательств, однако общая канва развития отношений Рима с местными народами все же прослеживается. Страбон приводит отдельные сведения о военных и политических мероприятиях, связанных с расширением сферы римского влияния, и сообщает некоторые факты из внутриполитической истории государств и народов Северного Причерноморья и Закавказья.

Греческий автор Мемнон составил городскую хронику «О Геракле», в которой интерес для нас представляют прежде всего главы, содержащие сведения о понтийском царе Митридатe VI. Мемнон выделяется тем, что его работа практически свободна от римского влияния и основывается на местном предании, поэтому при описании столкновения Митридата с римлянами ему удается сохранить в целом нейтральную позицию.

Весьма насыщенным исторической информацией является труд Аппиана Александрийского «Римская история», представляющий собой изложение военной истории Рима и построенный по географо-хронологическому принципу. По внешней политике Рима на северо-восточном направлении наибольшую ценность имеет, безусловно, книга XII «Митридатовы войны», содержащая наиболее полное описание борьбы Митридата с Римом. История государств Северного Причерноморья и Закавказья затрагивается в той степени, насколько они принимали участие в войнах с Римом, находясь под властью Митридата или выступая в роли его союзников.

«Римская история» сенатора Диона Кассия Кокцейяна носит характер общего изложения истории Рима, но сохранившиеся книги дают представление о периоде, ограниченном 68 г. до н.э. – 47 г. н.э. Многие факты, приводимые Дионом, носят уникальный характер, и особую ценность его сведения носят для восстановления хода кавказской экспедиции Помпея, а также римской политики в Армении и на Боспоре в последней трети I в. до н.э.

Определенная информация о ситуации на Востоке во II – I вв. до н.э. содержится в работах Помпея Трога, Саллюстия и Цицерона. Составитель «Истории Филиппа» Помпей Трог излагает историю государств эллинистического мира, и в поле его зрения закономерно попал процесс появления римлян и укрепления римского влияния на Востоке. Выдающийся римский историк Саллюстий являлся автором сочинения под названием «История», от которого, впрочем, уцелели лишь небольшие фрагменты, среди которых интерес представляет письмо Митридата Евпатора парфянам. Хотя подлинность послания в высшей степени сомнительна, как исторический источник оно значимо, поскольку позволяет понять, как воспринимали сами римляне дипломатические контакты между восточными монархами. Богатейшее творческое наследие римского оратора и политического деятеля М. Туллия Цицерона служит уникальным источником информации по истории поздней Римской республики. Речи и письма

Цицерона бесценны в том отношении, что дают возможность почувствовать ощущения свидетеля и зачастую непосредственного участника событий.

Поскольку взаимоотношения Рима с другими государствами очень часто имели основу в виде военного противостояния или сотрудничества, то работы, носившие узкий характер «военных историй», также являются ценным источником для данного исследования. «Римская история» Веллея Патеркула представляет собой схематичный обзор войн, ведшихся с участием римлян, вплоть до начала I в. н.э. Оригинальной информации в данном произведении содержится немного, однако Веллей Патеркул был участником похода Гая Цезаря на Восток и даже свидетелем его встречи с парфянским царем. Подобный же характер имеет работа историка II в. н.э. Л. Аннея Флора «Две книги эпитом римской истории», по охвату событий и стилю изложения имеющая сходство с сочинением Веллея Патеркула. Более оригинальным является произведение «Александрийская война», авторство которого точно не установлено. Данная работа содержит очень подробное описание военных действий в Малой Азии в ходе борьбы римлян с боспорским царем Фарнаком, и для восстановления картины событий 48 – 47 гг. до н.э. данное произведение можно рассматривать как наиболее достоверный и полный источник.

Восточная политика Римской империи в период правления Юлиев-Клавдиев и Флавиев реконструируется с учетом данных, содержащихся в сочинениях П. Корнелия Тацита. В центре внимания Тацита лежала деятельность первых принцепсов, и хотя в большей степени его интересовала жизнь при императорском дворе, внешнеполитические события нашли отражение в его произведениях «Анналы» и «История». Из сохранившихся частей работ Тацита можно почерпнуть достаточно подробные описания боспоро-римской войны в 40-х гг. I в. н.э., военных действий в Армении при Нероне, а также краткие, но весьма ценные указания на развитие армяно-римских отношений, начиная со времен Августа. При этом историк не только показывает внешнеполитические мероприятия римлян на Востоке, но и увязывает их с внутриполитическими изменениями в Риме, что позволяет лучше понять мотивацию римлян.

Произведения иудейского историка Иосифа Флавия «Иудейские древности» и «Иудейская война» представляют собой превосходный источник не только по римско-иудейским отношениям, но отчасти и по политике Рима на Востоке в целом. Сведения Иосифа Флавия дают возможность для анализа принципов римской внешней политики на Востоке на примере отдельно взятой страны, и представленные в его работе факты, особенно так или иначе связанные с историей Иудеи, в массе своей достоверны.

Работы популярного в эпоху Империи биографического жанра также содержат ценную информацию, поскольку на внешнеполитической деятельности роль крупных исторических личностей отражалась в очень заметной степени. Крупнейшим представителем этого жанра в античной литературе по праву считается Плутарх, чьи «Сравнительные жизнеописания» содержат богатейший исторический материал. Наиболее детально по данным Плутарха восстанавливается ход военных действий Лукулла и Помпея против Армении, а также парфянских походов Красса и М. Антония. Младшим современником Плутарха

был Г. Светоний Транквилл, сделавший объектом своего внимания личности первых императоров. Поскольку Светоний имел доступ к императорским архивам и обращался в придворных кругах, то круг его источников позволял ему получить разнообразную информацию. Правда, у Светония те или иные факты обычно преподносятся в изолированном виде, вне взаимосвязи с предыдущими и последующими событиями, что вызывает сложности в интерпретации сведений этого римского биографа. Череда жизнеописаний принцев, обрывающаяся у Светония на Домициане, хронологически продолжается сборником «Писатели истории Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*), содержащим биографии императоров II – III вв. Первыми героями жизнеописаний по списку идут Адриан и Антонин Пий: в обеих биографиях интерес представляет информация о контактах императоров с правителями кавказских государств, а при описании правления Антонина Пия приводятся сведения о мероприятиях римлян в Северном Причерноморье. Данные факты по другим источникам неизвестны, что заставляет с большим вниманием отнестись к этим сведениям, хотя в целом достоверность информации в «*Scriptores Historiae Augustae*» как исторического источнике ниже, чем, скажем, в биографиях Плутарха и Светония.

Эпистолярный жанр, кроме писем Цицерона, представлен перепиской Плиния Младшего с императором Траяном, когда Плиний пребывал на должности наместника Вифинии. Письма позволяют проникнуть в суть деятельности провинциального наместника, лучше понять круг его повседневных дел и забот, в том числе, и связанных с внешнеполитической деятельностью. Через администрацию Вифинии поддерживались дипломатические связи Рима с Боспорским царством, и в письмах Плиния есть несколько указаний на эти контакты, хотя незнание нами исторического контекста данных конкретных фактов препятствует более точной их оценке.

Пост провинциального наместника занимал и Флавий Арриан в Каппадокии в начале 30-х гг. II в. К сожалению, работа Арриана, посвященная парфянскому походу Траяна, не сохранилась, однако в нашем распоряжении есть «Перипл Понта», «Тактика» и «Диспозиция против аланов», которые являются весьма ценным источником для восстановления ситуации в Северном Причерноморье и Закавказье в современную автору эпоху.

В ряде работ («Естественная история» Плиния Старшего, «Географическое руководство» Клавдия Птолея, «Певтингерова таблица») содержится информация географического характера. Хотя собственно историческая информация в данных работах практически отсутствует, сопоставление мест размещения племен по сравнению, например, со сведениями Страбона, прослеживание основных путей, связывавших Рим с восточными странами, способны расширить наши знания об этнических, политических и экономических процессах, происходивших за пределами Римской империи.

Художественные произведения, хотя и в обусловленной творческими планами автора форме, так или иначе отражают действительность и потому не могут игнорироваться в качестве исторических источников. В данной категории следует особо отметить литературное наследие поэтов эпохи Августа, прежде всего Вергилия и Овидия. Вергилий занимал наиболее высокое и почетное

положение среди поэтов своего времени, и излагаемые им идеи можно в полной мере считать отражением официальной римской идеологии. Из творчества Овидия интерес представляют произведения, написанные им во время ссылки в город Томы и показывающие картину варваризации городов Западного Понта. При этом нужно отметить, что для Овидия правдоподобие больше соотносилось с представлениями римлян о Понте, чем с понтийской действительностью, но именно это и дает возможность для выделения общераспространенных в римском обществе идей, оказывавших воздействие на принятие реальных политических решений, и для понимания происходившего процесса сближения римлян с подвластными им народами. Подобные художественно обработанные образы содержатся и в «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома, обращенной им к жителям Ольвии и рисующей положение города на рубеже I – II вв.

Кроме того, в качестве источников использовались работы других античных и средневековых авторов – Диодора Сицилийского, Цезаря, Горация, Сенеки, Лукиана, Лукана, Фронтинна, Евтропия, Павла Орозия, Аврелия Виктора, Луция Ампелия, Феста, Зонары, Константина Багрянородного и др.

Отдельную группу литературных источников по исследуемой тематике составляют работы армянских и грузинских авторов. Среди армянских историков следует отметить Моисея Хоренского, а грузинская историческая традиция представлена сочинением автора XI в. Леонтия Мровели «Повесть о царях грузин, первоначальных отцах и родичах», вошедшим в свод грузинских исторических летописей «История Грузии» («Картлис цховреба»). По информативности и достоверности приводимой информации армянские и грузинские источники ни в коей мере не могут конкурировать с работами греко-римских авторов. Тем не менее, они представляют ценность при изучении взаимоотношений между армянами, иберами и другими кавказскими народами – в этом аспекте Моисей Хоренский и Леонтий Мровели во многом дополняют друг друга. Учитывая, что римляне были вовлечены в противоречия, существовавшие между населявшими кавказские земли народами, а подчас и сами их раздували, подобная информация крайне важна, поскольку она делает возможным создание широкомасштабной картины развития межгосударственных и межэтнических контактов в Закавказье и на Северном Кавказе.

Следующий тип источников составляют памятники эпиграфики. В отличие от нарративных источников надписи, как правило, одновременно с отраженными в них событиями и исходят от их непосредственных участников. Поэтому эпиграфические данные, хотя они зачастую и имеют вид фрагментарной информации, лишенной общ исторического контекста, в массе своей достоверны и во многом позволяют заполнить лакуны, оставленные литературными источниками.

Одной из самых известных античных надписей, бесспорно, считаются «Деяния божественного Августа»: там отражается официальная римская позиция в отношении внешне- и внутривосточного развития Империи и содержатся ценные указания на ход развития взаимоотношений римлян с другими народами, прежде всего с армянами. Из Италии происходит несколько надпи-

сей, связанных с пребыванием там уроженцев стран Северного Причерноморья и Закавказья, причем не только послов, но и представителей правящих кругов.

Ряд надписей, обнаруженных в различных частях Римской империи, содержат информацию о контактах в военной сфере. С одной стороны, это может быть перечисление заслуг тех или иных римских военнослужащих, принимавших участие в военных мероприятиях в рассматриваемых регионах. С другой стороны, уроженцы зависимых государств, к коим относились и представители государств Северного Причерноморья и Закавказья, привлекались для несения военной службы в римской армии, и из них формировались порой целые подразделения, что также нашло отражение в эпиграфике.

Богатый эпиграфический материал дают области Северного Причерноморья, причем этот материал ежегодно пополняется благодаря идущим там археологическим исследованиям. Из всей совокупности эпиграфических данных нужно выделить несколько групп надписей, значение которых наиболее велико в контексте анализа отношений местных жителей с Римом. Во-первых, это надписи, содержащие указания на римское влияние на оформление официального статуса боспорских царей и городских общин Херсонеса, Тиры и Ольвии. Во-вторых, иллюстрацией для оценки проримских симпатий служат посвящения в честь римских императоров и наместников, поставленные от имени царей, городских общин или отдельных граждан. В-третьих, отдельную группу составляют надписи, сооруженные римскими представителями – большей частью воинами римских гарнизонов. Наконец, интерес представляет исследование номенклатуры жителей северопричерноморских городов, для чего привлекается вся совокупность известных надписей, включая надгробные.

Античная эпиграфика закавказских областей представлена намного более скудно, что объясняется как неразвитостью полисной структуры местных государств формирований, так и тем, что археологические изыскания идут здесь более медленными темпами, чем на северном побережье Черного моря. Тем не менее, имеющиеся данные, несмотря на их фрагментарность, дают ценную и во многом уникальную информацию. Надписи, происходящие из Армении, Иберии и Албании, прежде всего фиксировали римские достижения в удержании этих стран в сфере своего военного контроля.

Важным, хотя и специфическим источником, являются нумизматические данные. Античные монеты не только дают возможность уточнить хронологию правления тех или иных монархов и изменений в политическом статусе монетариев, но и содержат информацию о внешнеполитической ориентации организаторов чеканки, что отражается в использовавшихся символикe и датировке, а также в выборе монетных металлов, весовых стандартов и обозначений номинала монет. Кроме того, изучая характер чекана, можно делать выводы о состоянии хозяйства государства и его финансов, что, разумеется, также влияло на расстановку сил в международных отношениях. Нумизматические источники представлены как римскими монетами, так и монетами государств Северного Причерноморья и Закавказья.

Археологические материалы, являющиеся самым массовым источником, причем непрерывно пополняемым, также способны отразить определенные

процессы, шедшие в социально-экономической, политической и культурной сферах жизни, а также наглядно показать связи государств Северного Причерноморья и Закавказья с внешним миром, прежде всего с римской державой. Поскольку распространение римского влияния на жизнь местного населения осуществлялось преимущественно посредством торговых связей и ввода римских войск, то археологический материал крайне важен для правильной оценки крупных процессов, обусловленных внешнеполитическими изменениями, хотя воссоздание хода конкретных исторических событий на основе только археологических источников, разумеется, затруднительно.

Степень изученности темы. Изучение взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья на научной основе началось с середины XIX в.: работы более раннего периода отличались некритическим отношением к источникам и ограничивались преимущественно пересказом нарративных данных. Первые работы по истории Боспора были написаны А. Ашиком, П. Сабатье и Б. Кене, причем они опирались и на появлявшиеся эпиграфические, нумизматические и археологические данные. Касясь проблемы римско-боспорских отношений, исследователи преувеличивали степень зависимости Боспора.

На рубеже XIX – XX вв. обработка известных источников была завершена, что подытожили издания сводного характера. Особенно значимыми событиями стали составление корпуса северопричерноморских надписей и издание каталога северопричерноморских монет. После этого появляется ряд работ по нумизматике античных центров Северного Причерноморья и Колхиды А. Бертье-Делагарда, А. Сибирского, П.О. Бурачкова, А.В. Орешникова, Х. Гиля, и тогда же был поднят вопрос о римском влиянии на монетное производство. Крупным событием в историографии истории античных государств Северного Причерноморья стало изложение боспорской истории В.В. Латышевым («Краткая история Боспорского царства»).

Первым ученым, кто поставил перед собой задачу детально рассмотреть положение северопричерноморских государств в их контактах с Римом, был М.И. Ростовцев. Именно он планомерно разработал концепцию вассального положения Боспорского царства. Историческая роль Боспорского царства заключалась, как полагает М.И. Ростовцев, в том, что оно стало государством-буфером, защищавшим в Причерноморье Римскую империю от соприкосновения с варварским миром, а Рим, в свою очередь, играл в Северном Причерноморье прогрессивную роль и заботился о защите местного населения от варваров. Еще одна плодотворная идея М.И. Ростовцева заключалась в том, что политическая ориентация населения греческих городов и варваров Северного Причерноморья различалась – если первые ориентировались на Рим, то племенной мир был враждебен к римлянам.

После событий 1917 г. акценты в области исследования взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья сместились. Поскольку характер внешней политики Рима в советской науке стал определяться как однозначно агрессивный и грабительский, история этих государств стала

рассматриваться под углом освободительной борьбы местного населения против попыток римлян навязать свое господство.

В довоенный период, в 20 – 30-х гг. крупных исследований по указанной тематике не появлялось, хотя вышел ряд статей. Наибольшее значение имели публикации Д.П. Каллистова, в которых анализировались боспоро-римские отношения в I в. до н.э. – начале I в. н.э. В.Н. Дьяковым была развита идея о наличии двух путей римского проникновения в Северное Причерноморье, а самой римской экспансии придавался продуманный и целенаправленный характер.

Проблемы римско-армянских отношений рассматривались в работах Я.А. Манандяна, среди которых особенно важной стала монография «Тигран II и Рим». Вину за эскалацию римско-армянского конфликта исследователь практически полностью возлагает на римлян. Особенно ценна попытка автора представить картину трехсторонних отношений Рима, Армении и Парфии и обозначить приоритеты во внешней политике Тиграна II, которые, по его мнению, заключались в стремлении устранить угрозу со стороны парфян.

В послевоенный период в отечественной науке активизировался интерес к истории Северного Причерноморья и Закавказья и к восточной политике Рима. В 1949 г. появились два фундаментальных труда, издание которых сложно переоценить. Одним из них было изложение боспорской истории В.Ф. Гайдукевичем; касаясь вопроса взаимоотношений Боспора с Римом, исследователь определил, что римляне осознали стратегическое значение Боспорского царства уже в первой половине I в. до н.э., но они не могли уделять большое внимание этому региону, пока были заняты «рождением империи», и лишь к концу первого столетия до н.э. определилось положение Боспорского государства как государства зависимого от Рима. Одновременно вышла в свет работа Н.А. Машкина «Принципат Августа», в которой была затронута тема политики Рима на Востоке, включая Армению и Боспор. Впервые в отечественной историографии внешняя политика Рима на определенном отрезке времени была проанализирована столь комплексно, причем было показано значение успешности военных и дипломатических усилий Августа для прочности формируемого им режима.

В 50 – 60-е гг., несмотря на то, что в центре внимания отечественных исследователей лежали преимущественно социально-экономические отношения, наблюдался стойкий интерес и к политической истории как Рима, так и северовосточных соседей Римской империи. В работе Е.С. Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры», охватывающей период I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., была обрисована картина проникновения римлян в Северный Понт, причем акцент делался на исследовании политических контактов. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья в I в. до н.э. – II в. н.э. стали объектом исследования А.Г. Кузьминой. Ею были систематизированы применявшиеся римлянами методы для подчинения Северного Понта своему влиянию, и римская политика обрисована как весьма активная.

В статье, посвященной римско-херсонесским отношениям, К.Э. Гриневиц указывает на то, что римляне оказались ближе зажиточным слоям северопричерноморских городов, чем понтийско-боспорские правители, заигрывавшие с варварами и втягивавшие городское население в войны с римлянами. Началь-

ному этапу римской политики в Северном Причерноморье были посвящены работы М.М. Слонимского, который подчеркивал значение экономического фактора в развитии экспансии Рима.

В эти же десятилетия появился ряд работ В.Д. Блаватского, Д.Б. Шелова, А.И. Болтуновой, Д.П. Каллистова, Т.В. Блаватской и других специалистов по истории Северного Причерноморья. В статьях из сборника «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху» (1959 г.) главным образом проводилась мысль, что римское воздействие на государства Северного Причерноморья было поверхностным, проявляясь лишь в политической и военной сферах, и местные жители сумели отстоять свою независимость, опираясь на поддержку варварского мира. В работах по нумизматике К.В. Голенко и П.О. Карышковского была уточнена хронология монетных выпусков в северопричерноморских центрах и показаны черты влияния Рима на организацию местного монетного производства.

В послевоенное время стал заметно расширяться круг эпиграфических, нумизматических и археологических источников по истории кавказских областей, что нашло выражение в серии публикаций З.И. Ямпольского, Б.Н. Аракеяна, Д.Г. Капанадзе, К.В. Тревер. По политике Рима в отношении Закавказья вышел ряд работ, но подход к оценке взаимоотношений римлян с местным населением был однобокий. Римская деятельность характеризовалась только с негативной стороны и трактовалась как неприкрытая агрессия, встречавшая обратное сопротивление. В подобном ключе решались проблемы римской политике в Причерноморье Л.Д. Саникидзе; правда, им была сделана масштабная попытка связать внешне- и внутривнутриполитические процессы в Риме, – согласно его выводу, именно трудные условия войн на Востоке сделали закономерным в Риме переход от республики к диктатуре.

Развитие контактов Рима с древней Грузией легло в основу научных интересов Н.Ю. Ломоури. Вопреки сложившимся в отечественной историографии оценкам, он заявил о том, что военно-политическая активность римлян в Закавказье была даже выгодна иберам, поскольку позволила ослабить угрозу со стороны Армении и Парфии, и что иберы сознательно выбрали проримскую ориентацию, обусловленную совпадением внешнеполитических интересов, с последней четверти I в. н.э. Отдельные аспекты истории кавказских областей, в том числе и особенности взаимоотношений с римлянами, затрагивались в работах Г.А. Меликишвили, Г.Х. Саркисяна, Т.Т. Тодуа, В.Б. Виноградова, М.П. Инадзе и других исследователей.

Политика Рима на Востоке была блестяще проанализирована А.Г. Бокшаниным, поставившим в центр своего исследования римско-парфянские отношения. Автор оценивает римскую политику как в целом агрессивную, направленную на подчинение восточных государств. С другой стороны, он указывает и на готовность представителей правящих кругов восточных стран к сознательной капитуляции перед Римом как наиболее надежной гарантии сохранения рабочейладельческой общественной системы. Говоря о положении Армении, А.Г. Бокшанин отмечает, что объективно армянам ближе были парфяне, на чью помощь они опирались в борьбе против римской экспансии, и складывание рим-

ско-армянского союза исследователь оценивает как насильственное по отношению к Армянскому царству. Аналогичная проблематика содержалась в работах И.Д. Головки, также рассматривавшего взаимоотношения Рима, Парфии и Армении, но на примере более короткого исторического отрезка (I в. до н.э. – начало I в. н.э.). На его взгляд, Армения тяготела к Парфии, что находило выражение в пропарфянской ориентации некоторых армянских царей, в то время как целью римской политики был подрыв армяно-парфянского союза.

Крупный вклад в изучение политики Рима на Востоке, особенно римско-парфянских и римско-армянских отношений при Нероне, сделал О.В. Кудрявцев. В ходе реконструкции римской деятельности в отношении Армении и Парфии в эпоху Юлиев-Клавдиев О.В. Кудрявцев сделал вывод о прямой зависимости между характером внешней политики Римской империи и состоянием баланса сил в борьбе внутри правящего класса.

В работах В.А. Левкинадзе была сформулирована концепция «понтийского лимеса», который, по мнению автора, был создан в Восточном Причерноморье с целью стратегического наблюдения за кавказскими землями и борьбы с малыми угрозами.

Ряд публикаций этого периода содержали анализ римской политики в Западном Причерноморье и придунайских землях. Здесь нужно, прежде всего, отметить работы Т.Д. Златковской, Ю.К. Колосовской, И.Т. Кругликовой. Основательная монография М.И. Максимовой была посвящена городам юго-восточного Причерноморья – в работе отражены различные аспекты римской политики в Южном Причерноморье и, кроме того, затрагиваются некоторые эпизоды, связанные с историей Северного Понта и Закавказья.

Проблемы восточной политики Рима в I в. до н.э. поднимались в работах П.В. Лазаренко, Н.М. Елизаровой и Л.С. Ильинской, но характер власти Рима над подчиненными народами по-прежнему определялся как грабительский, и каких-либо принципиально новых идей данные исследования не содержали. Гораздо больший интерес представляют фундаментальные исследования по истории поздней Римской республики С.Л. Утченко, в которых рассматриваются проблемы внутренней и внешней политики Рима.

В 1970 – 1980-е гг. интерес к обозначенным проблемам не спадал, и как тематика, так и количество научных работ расширялись. Одной из самых заметных публикаций стал монография Г.А. Цветаевой, посвященная контактам Боспора и Рима. Характерно, что Г.А. Цветаева пришла к выводу о прогрессивной роли римлян для боспорских городов. Другим весомым исследованием была работа В.М. Зубаря «Херсонес Таврический и Римская империя». На взгляд автора, Херсонес был более независим от Боспора, чем это принято полагать, и херсонеситы сознательно приняли ориентацию на Рим уже во второй половине I в. до н.э. К сходному заключению пришел в работе, посвященной общей истории Херсонеса, В.И. Кадеев.

В нескольких статьях В.А. Латышевой разбираются отдельные сюжеты боспорской истории I в. до н.э. Н.И. Винокуров коснулся некоторых проблем боспоро-римских отношений, в частности вопроса о римских субсидиях. Со-

трудничество населения Северного Причерноморья с римлянами в военной сфере анализировалось в работах С.Б. Буйских.

Не были обойдены вниманием и проблемы взаимоотношений с Римом народов Закавказья. Внешнеполитические контакты Армении и Албании были рассмотрены в нескольких диссертационных исследованиях (А.П. Акопян, А.Э. Хачикян, А.М. Акопян, С.Г. Петросян, И.Ш. Джавадов). Новый взгляд на армяно-римские отношения при Тигране II был предложен Р.Л. Манасеряном – вопреки мнению Я.А. Манандяна, поддержанному другими исследователями, Р.Л. Манасерян сделал вывод об агрессивной антиримской политике Тиграна II, полагая, что тот готовился к столкновению с Римом заранее и выбрал союз с Митридатом VI сознательно, понимая возможные его последствия. Также можно отметить работы Г.А. Лордкипанидзе и О.Д. Лордкипанидзе, посвященные истории Колхиды. Крупный вклад в изучение монетного дела и денежного обращения античной Армении и Грузии был сделан Х.А. Мушегяном и Г.Ф. Дундуа. В целом, этот период в отечественной науке оказался наиболее продуктивным для изучения истории стран Закавказья. Оценка римского проникновения в данный регион постепенно изменялась, и наряду с традиционными оценками римских действий как военной агрессии, отмечались и положительные моменты установления и поддержания контактов с Римом для местного населения.

Римская политика в областях, примыкавших к Северному Причерноморью и Закавказью, также не была обойдена вниманием. Традиционно интерес вызывали прежде всего римско-парфянские отношения, которые были рассмотрены А.Ш. Гамкрелидзе. Работы А.В. Шмалько касаются римской политики в Южном Понте, причем автором был затронут вопрос о роли администрации Вифинии-Понта в контроле за ситуацией в Северном Причерноморье. Взаимоотношения римлян с населением придунайских областей были отслежены в работах Н.А. Чаплыгиной. Интересные, хотя и спорные, утверждения содержатся в публикациях Ю.Е. Журавлева: по его мнению, интерес Рима к Северному Понту обозначился уже к началу II в. до н.э.

Современный период в отечественной историографии (90-е гг. XX в. – 2000-е гг.) характеризуется новыми явлениями и тенденциями. Определенная разновекторность развития отечественной и зарубежной историографии, обусловленная идеологическими причинами и заметная в советский период, перестала так ощущаться, и теперь с большим основанием можно говорить о единстве развития отечественной и зарубежной исторической науки. Новые технологии и значительное расширение информационного обмена дали возможность сделать научные дискуссии более широкими и оживленными, что выразилось в усилении значения провинциальных научных центров. Тематика исследований и круг изучаемых вопросов также существенно расширились. Одной из магистральных линий развития современного отечественного антиковедения с полным правом можно считать изучение истории Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства, и в данном направлении работы российских авторов сложно рассматривать в отрыве от деятельности их украинских коллег.

Наиболее масштабная картина взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья дается в работах украинского исследователя В.М.

Зубаря. Обобщающими трудами по этой проблематике стали монографии «Северный Понт и Римская империя», где дается обзор римской политики в Северном Причерноморье на протяжении почти шести столетий (с середины I в. до н.э. до первой половины VI в. н.э.), и «Таврика и Римская империя: Римские войска и укрепления в Таврике». Особое внимание в этих работах уделяется контактам в военной области. Оценивая характер римской политики, В.М. Зубарь полагает, что для большинства населения городов Северного Понта вхождение в состав Империи или подчинение ей рассматривалось не как оккупация или порабощение, а как помощь дружественного, более сильного государства.

Полноценная концепция боспоро-римских отношений представлена в работах С.Ю. Сапрыкина, в круг научных интересов которого входит также история Понтийского царства. Исследователь отталкивается от признания обозначенного еще в работах М.И. Ростовцева дуализма иранских и греческих начал в организации государственных и общественных структур Боспора. Боспорским правителям I в. до н.э. – начала I в. н.э. более присущи были иранские, или, как их обозначает автор, митридатовские традиции, которые проявлялись в стремлении царей отстоять независимость Боспора от римских поползновений, опираясь на поддержку варварских слоев местного населения. Стержнем такой политики С.Ю. Сапрыкин считает систему военно-хозяйственных поселений, которая была перенесена из Понтийского царства.

Военные контакты Боспора с Римом рассматриваются в работах В.А. Горончаровского, крупнейшей из которых является монография «Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени». На взгляд автора, Боспорское царство стало для античного мира, в первую очередь для римлян, своеобразным полигоном для знакомства с военными достижениями кочевников. Вопросы связей Рима с Боспором в военной области рассматриваются И.Ю. Булкиным, Ю.А. Виноградовым и Г.В. Требелевой.

Исследование нумизматики северопричерноморских центров продолжается Н.А. Фроловой и В.А. Анохиным; кроме того, ценные наблюдения по организации монетного производства делаются Т.Н. Смекаловой, которая на основе анализа состава монетных сплавов выделила черты влияния Понта и Рима на монетное дело Боспора и Херсонеса.

Проблемы статуса и политической ориентации боспорских правителей входят в сферу интересов В.П. Яйленко. Отдельным сюжетам из истории взаимоотношений Боспора и Херсонеса с Римом посвящены работы Ю.Г. Виноградова. В сферу научных интересов Е.А. Молева входит политическая история Боспора при Митридате VI и Фарнаке. По херсонесско-римским отношениям необходимо отметить публикации И.А. Макарова, в основном посвященные интерпретации эпиграфических данных.

Весьма актуальным является изучение истории северокавказских народов, прежде всего аланов. За последние два десятилетия вышел целый ряд работ по аланистике Т.А. Габуева, В.А. Кузнецова, С.М. Перевалова, С.А. Яценко, М.Б. Щукина, Н.Н. Лысенко. Учитывая значительное воздействие, которое аланы оказали на развитие политической ситуации в Закавказье во второй половине I – первой половине II вв. н.э., такие исследования дают возможность

более правильно оценить этническую и политическую обстановку, складывавшуюся на северо-восточных границах римских провинций в Малой Азии и заставлявшую римлян вносить коррективы в свои внешнеполитические проекты.

По римско-армянским связям необходимо отметить диссертацию украинского историка С.Д. Литовченко, в которой анализируются взаимоотношения Рима с Арменией в первой половине I в. до н.э. – начале I в. н.э. В работе высказывается ряд новых положений по исследуемым проблемам.

Внешнеполитическая деятельность Рима периода раннего принципата является предметом содержательных исследований В.Н. Парфенова, который также заметное внимание уделяет сюжетам из боспорской истории этого же времени. Внешнюю политику Августа В.Н. Парфенов изображает ярко выражено агрессивной, и подчинение Боспора он считает одним из этапов в реализации грандиозного плана покорения мира. Совершенно другое отношение к Боспору, как полагает В.Н. Парфенов, было продемонстрировано Домицианом, намеревавшимся превратить Боспорское царство в одно из ключевых буферных государств, прикрывавших римские границы, подобно Дакии. Римская восточная политика более раннего времени рассматривается в работах В.И. Кашеева, А.П. Беликова, А.В. Куликова и Е.В. Смыкова. На взгляд А.П. Беликова, римскую политику нельзя однозначно определять как вынужденную или планомерно реализуемую агрессию, но основным ее принципом было стремление обеспечить стабильность, к которой стремились и римские контрагенты.

Различные аспекты римской политики в причерноморском регионе освещаются в работах К.Л. Гуленкова, О.Л. Габелко (наиболее полно ими затронут период митридатских войн), а также Ю.К. Колосовской, чьи многолетние исследования были обобщены в монографии «Рим и мир племен на Дунае в I – IV вв. н.э.». Общая политика Рима в отношении монетного производства в зависимых от Рима государствах рассматривается в публикациях М.Г. Абрамзона; его же перу принадлежит исследование по взаимоотношениям Рима с Киликией.

Помимо этого, обозначенная проблематика прямо или косвенно поднимается в большинстве работ по истории, археологии, нумизматике и эпиграфике Северного Причерноморья и Закавказья, а также в исследованиях по истории Рима периода поздней республики – ранней Империи.

В зарубежной историографии проблема контактов Рима со странами Закавказья и Северного Причерноморья привлекала интерес в меньшей степени и рассматривалась в основном в рамках изучения римской восточной политики вообще. Первые зарубежные работы, посвященные истории причерноморского региона, появились в XIX в. (В. Ваддингтон, А. Заллет и др.), причем в них упор делался на анализе нумизматического материала.

Важнейшей вехой в романистике стало издание «Истории Рима» Теодора Моммзена, последний том которой был посвящен истории римских провинций. Концепция «оборонительного империализма» оказала огромное воздействие на развитие зарубежной романистики, и ее влияние может быть прослежено даже в некоторых современных разработках. Т. Моммзен отметил большое торговое значение Боспорского царства для Рима и дал объяснение, почему эти районы не были переданы под управление римских наместников – по его мнению, важ-

нейшими факторами являлись обширность территории и варварское окружение. Интерес Рима к Армении был, на его взгляд, predetermined стратегическим положением Армянского государства, однако для спасения римского военного и политического престижа Армения все же была оставлена парфянам.

На рубеже XIX – XX вв. появилось несколько крупных работ, в которых проблемы взаимоотношений Рима со своими северо-восточными соседями были обозначены достаточно отчетливо. Французский историк Т. Рейнак, интересовавшийся историей Понтийского царства и личностью Митридата Евпатора, подчеркнул, что первоначальные победы царя над римлянами могут быть объяснены наличием таких больших источников экономических и людских ресурсов как Боспор и Колхида. Исследование истории Парфии было предпринято Дж. Роулинсоном, который в своей работе заметное место отвел взаимоотношениям Парфии и Рима и определил положение Армении в их контексте.

Крупным обобщающим трудом по истории Северного Причерноморья, вышедшим на Западе, стала монография Э. Миннза «Скифы и греки» (1913 г.), в которой была кратко освещена история проникновения римлян на северопонтийские земли. Почти одновременно была издана работа А. Астурына «Политические взаимоотношения между Арменией и Римом», которая представляла собой первый опыт специального исследования римско-армянских отношений. Главный вывод автора состоял в том, что он приписывал армянским царям стремление оставаться на нейтральной позиции в ходе римско-парфянского противостояния, что удавалось им с большим трудом. Проблема контактов Рима с Арменией затрагивалась в публикациях, связанных с восточной политикой римлян, и в этом ряду необходимо упомянуть работы К. Экхардта и Й. Кромайера. Взаимоотношения римлян с зависимыми правителями стали предметом исследования П. Сэндса.

В межвоенный период (20 – 30-е гг.) одним из центральных вопросов западной романистики стала проблема определения сущности римского империализма, что вызвало оживленные дискуссии, касавшиеся, впрочем, преимущественно периода средней Республики. Одним из ведущих специалистов по восточной политике Рима во времена поздней Республики и ранней Империи на тот момент являлся, бесспорно, Дж. Андерсон. Он указывал на военно-политические интересы Рима в Северном Причерноморье, соглашаясь с М.И. Ростовцевым в оценке Боспора как барьера против варварского влияния, который римляне хотели видеть в руках сильного и верного правителя. Еще одним крупным специалистом по римской восточной политике был В.М. Рамсей, в работах которого получили освещение две важные проблемы – социальная опора Рима в малоазийских провинциях и военные позиции римлян. Интересный аспект римской внешней политики был затронут Г. Макурди, который продолжил разработку тематики, обозначенной П. Сэндсом, и заострил свое внимание на взаимоотношениях римлян с зависимыми правителями.

Проблемы армяно-римских отношений затрагивались в статьях по политике Рима на Востоке, причем особое внимание исследователей привлекал период правления Нерона, когда армянский вопрос стал одним из ключевых в римской внешней политике – по этому вопросу вышли обстоятельные статьи В.

Шура, М. Хэммонда и Э. Сэнфорда. Классической работой по истории Парфии остается монография Н. Дебвийза, в которой серьезное внимание уделено выяснению характера отношений Рима, Парфии и Армении, и показана взаимосвязь политики армянских и парфянских царей.

В послевоенный период число работ, как обобщающего характера, так и посвященных конкретным историческим вопросам, стало стремительно увеличиваться с каждым годом. При этом можно выделить несколько категорий исследовательских работ, которые представляют интерес при изучении обозначенной тематики.

Во-первых, проблемы взаимоотношений Рима со странами Северного Причерноморья и Закавказья нашли отражение в ряде специально посвященных им статей и даже монографий. Больше всего проблема римско-боспорских контактов интересует немецких исследователей Б. Функа, Х. Хайнена и А. Лютера, чьи работы в последнее время стали появляться и в русских изданиях. В центре их интереса находятся преимущественно политические взаимоотношения Рима с Боспором в I в. до н.э. – I в. н.э. Особое значение имеет возглавляемый Х. Хайненом в Трирском университете проект «*Amici populi Romani*», в рамках которого одним из двух приоритетных направлений являются отношения между Римом и государствами Северного Причерноморья.

В круг весьма разнообразных интересов Д. Браунда также входит история Северного Причерноморья и Закавказья, причем наибольшее его внимание привлекают Иберия и Боспор. По его мнению, конфликты зависимых правителей с Римом были единичными эпизодами в многолетних стабильных взаимоотношениях, и дружеские связи были взаимовыгодны.

Несколько статей К. Навотки посвящены взаимоотношениям Рима с населением Северного Причерноморья. Не имеющий однозначного толкования эпизод, связанный с признанием прав Митридата Боспорского и Полемона II на боспорский трон, был рассмотрен в статьях А. Барретта и С. Дмитриева.

Большое место разбору контактов Армении с Римом в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. уделено в монографии М. Пани, которая посвящена анализу взаимоотношений римлян с тремя восточными царствами: Каппадокией, Арменией и Мидией Атропатеной. Римско-армянские отношения также отражены в статьях Л. Паттерсона и М.-Л. Шомон.

Проблемы контактов Рима с населением северо- и восточнопричерноморских областей в военной сфере затрагиваются в работах Т. Сарновски, М. Мельчарка и М.П. Спейдла. Заметным событием в изучении истории Северного Причерноморья стало создание в Дании центра причерноморских исследований, который за короткое время заявил о себе интенсивной издательской деятельностью. Наибольший интерес вызывает, безусловно, пятый выпуск «Причерноморских исследований», вышедший под заглавием «Рим и причерноморский регион» (к сожалению, Северному Причерноморью уделяется в нем меньше внимания, чем другим припонтийским областям).

Во-вторых, общие проблемы римской внешней политики продолжают интенсивно обсуждаться. Дискуссия о сущности римского империализма сейчас уже не является центральной в рамках изучения внешней политики Рима, и

выделились другие, не менее важные проблемы. В работах исследуются государственно-правовые формы римской внешней политики, анализируется мотивация римлян и цель их усилий, прослеживается взаимосвязь между явлениями внешнего и внутреннего развития, как Римского государства, так и его соседей, дается оценка складывавшимся в процессе римской экспансии моделям взаимоотношений с зависимыми государствами. При этом либо напрямую привлекается фактический материал из истории Северного Понта и Закавказья, либо поднимаются такие проблемы, без учета которых сложно дать комплексный анализ взаимоотношений Рима со странами данного региона.

Крупнейшими работами по политике Рима на Востоке являются монографии Д. Мэйджи и А.Н. Шервин-Уайта. Фундаментальный труд Д. Мэйджи рисует ход распространения и утверждения римской власти в Малой Азии. Одним из основополагающих суждений автора является мнение о позитивных последствиях расширения Римской империи для местного населения. В то же время, политике римлян, на взгляд Д. Мэйджи, недоставало последовательности, что определялось разным пониманием роли зависимых государств в рамках возводившейся империи. А.Н. Шервин-Уайт полагает, что приостановление римской экспансии было вызвано достижением границ тех областей, которые в культурном отношении римской цивилизации было сложно «переварить». Среди факторов, обуславливавших направленность внешней политики Рима, он выдвигает на первый план военно-стратегические интересы и считает, что буферные царства были необходимы римлянам как объекты стратегически важные для дальнейших действий.

В центре внимания Э. Грюэна находятся взаимоотношения эллинистических государств, в первую очередь городов, с Римом на ранних этапах римского продвижения. А. Джоунс также исследует отношения римлян и восточных городов, но в более позднюю эпоху.

Огромное воздействие на формирование новых подходов к оценке римской внешней политики оказали, безусловно, работы Э. Бэдиана. Хотя понятие «внешняя клиентела» использовалось и до него, именно Э. Бэдиан сделал его одним из основополагающих при объяснении принципов римской внешней политики. Э. Бэдиан проводит различие между политикой Римской республики на Западе и на Востоке, присваивая восточной политике определение «гегемонистский империализм» по той причине, что здесь сенат долгое время уклонялся от аннексии. Концепция Э. Бэдиана, хотя и не нашла единодушного признания, позволила объяснить многие специфические черты римской политики на эллинистическом Востоке.

В изображении У. Харриса римская политика была агрессивной, что было вызвано в первую очередь экономическими мотивами. Касаясь политики Рима на эллинистическом Востоке, он полагает, что не было принципа отказа от аннексии, а лишь отдельные решения такого рода, вызванные всякий раз конкретными соображениями. Свое видение процесса распространения римского господства на Востоке дал Р. Каллет-Маркс. Он критически оценивает сложившиеся в науке представления о ходе провинциализации и на ряде примеров показывает, что складывание римских административных структур происходило в

Восточном Средиземноморье очень медленно. По его мнению, разделительная черта между прямым и непрямым управлением была не столь четкой, как представляется современным исследователям.

Оригинальное видение внешнеполитической стратегии Рима времен Империи было предложено Э. Люттваком. Он предлагает выделить в истории Римской империи несколько этапов, на каждом из которых использовалась та или иная стратегическая модель. Концепция Э. Люттвака вызвала оживленную дискуссию, в рамках которой вопросы о наличии у римлян продуманной внешнеполитической стратегии и о характере их мероприятий по охране пограничных зон стали ключевыми. Из наиболее заметных работ следует отметить исследование Б. Исаака, С.П. Маттерн, Э.Л. Уилера, К.Р. Уиттэкера.

Поскольку связь внешней политики римлян с тенденциями внутриполитического развития не подвергается сомнению, и во многом характер внешнеполитической деятельности определялся особенностями политико-правовых структур Римского государства, этот аспект истории Рима также привлекает пристальное внимание историков (Ф. Миллар, Р. Тальберт, Дж.Э. Лендон). Популярным направлением романистики остается изучение римской армии. Из многочисленных исследований в данной области нужно отметить работы Я. Ле Боэка, А.К. Голдсворта, Л. Кеппи и др.

Из исследований меньшего масштаба и имеющих четкий географически обозначенный предмет изучения нужно отметить работы по истории Понтийского царства, где наибольшее внимание исследователей традиционно продолжает привлекать период правления Митридата VI: здесь нужно выделить работы Б. Мак-Гинга и Л. Баллестероса Пастора. Анализ римско-парфянских отношений дается в публикациях Б. Кэмпбелла и Э. Кивеня.

Наконец, проблемы взаимоотношений Рима с государствами Северного Понта и Закавказья поднимаются в работах, посвященных деятельности императоров, римских политических деятелей и военачальников, занимавшихся проблемами урегулирования политической ситуации на Востоке.

В целом, развитие историографии твердо идет по пути, с одной стороны, все более глубокого анализа известных источников и привлечения всей доступной массы новых данных для уточнения или восстановления хода конкретных исторических событий, а с другой, – осмысления более широкого по охвату материала в рамках поиска новых научных подходов и создания концепций, позволяющих вскрыть сущность крупных исторических явлений и процессов. Однако, несмотря на обилие исследовательской литературы, многие аспекты взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья остаются дискуссионными или изученными в недостаточной степени.

Основные положения, выносимые на защиту, сводятся к следующему:

1) Несмотря на то, что первые контакты Рима с Арменией и Херсонесом датируются еще первой половиной II в. до н.э., в полной мере Северное Причерноморье и Закавказье вошли в сферу римских интересов лишь в первой трети I в. до н.э., а сама римская экспансия не была строго целенаправленной и распланированной, так как ее ход определялся многими факторами, включая события

внутриполитической борьбы в Риме и интересы тех политических лидеров и военачальников, от которых зависело принятие решений.

2) В случае с Митридатом VI и Тиграном II римляне поставили излишне усилившихся правителей перед альтернативой: покориться их воле и отказаться от своих честолюбивых замыслов или вступить с ними в борьбу, что и было выбрано обоими царями. Решающей для всех участвующих сторон оказалась третья митридатова война, результатом которой стало крушение державы Митридата Евпатора, ослабление Армении и распространение римского влияния на области Северного Причерноморья и Закавказья, вовлеченные в данное противоборство.

3) Установление принципата сделало процесс принятия внешнеполитических решений более правильно организованным по сравнению с позднереспубликанским временем, хотя это не означало, что политика стала строго последовательной, поскольку теперь инициативы тех или иных внешнеполитических акций исходили от императорского двора, и личные симпатии и антипатии принципсов оказывали серьезное воздействие на отношения Рима с зависимыми государствами.

4) Есть возможность выделить две основные стратегические линии Римской империи на северо-восточном направлении, которые определяются как наступательная и оборонительная, в рамках которых зависимым государствам отводилась различная роль. В ходе наступательной деятельности Рима отношения с зависимыми государствами строились на основе патронато-клиентской модели с нацеленностью на усиление вмешательства в дела зависимых государственных формирований вплоть до их интеграции в состав Империи, что порождало ответное сопротивление. Оборонительная стратегическая линия предполагала сознательный отказ от экспансии и сосредоточение усилий на укреплении достигнутых границ и сохранении имеющегося внешнеполитического влияния; при этом нажим на соседние государственные формирования заметно ослабевал, и отношения начинали строиться если не как равноправные, то как развивающиеся в этом направлении. Поворотным пунктом в развитии римской внешнеполитической деятельности стал отказ Адриана от завоеваний Траяна.

5) В своей внешней политике на северо-восточном направлении римлянам приходилось сталкиваться с государственными образованиями двух типов: территориальными государствами с монархической формой правления и полисами греческого типа, и эти отличия учитывались. Крупные царства представляли для Рима наибольшую ценность как источник разнообразных ресурсов и плацдарм для внешнеполитических акций с римским участием. При этом римляне не стремились к установлению тотального контроля над зависимыми государствами, и их интересовало, чтобы в русле римской политики оставались правящие круги в зависимых царствах, для чего наиболее эффективным средством было контролирование процесса перехода власти и общее наблюдение за развитием политической ситуации. Полисы, обладавшие более скромными возможностями, могли использоваться как стратегические пункты римлян в областях, слабо охваченных римским влиянием. Их интеграция в состав Империи требовала меньших усилий с римской стороны, поскольку городское население

зачастую само тянулось под власть соседней могущественной державы, и поэтому расширение римских владений за счет полисов продолжалось даже после прекращения активной экспансии.

6) Правители зависимых от Рима царств осознавали позитивные и негативные последствия от поддержания и развития взаимоотношений с Римом, и в зависимости от собственных интересов выбирали ту или иную линию внешнеполитического поведения. Общей тенденцией было постепенное нарастание признаков зависимости статуса монархов, хотя эти признаки с течением времени формализовывались, теряя свое изначальное содержание и становясь внешней политической нормой, обязательной для исполнения, но далеко не всегда сопровождавшейся полной покорностью воле римлян. Отказ римлян от методов жесткого диктата имел благотворные последствия для зависимых царей, поскольку это сделало возможным более полное следование собственным интересам без опасности быть обвиненными римлянами в нарушении лояльности и повысило их заинтересованность в продолжении сотрудничества с римлянами..

7) Формально подчиненность городов Северного Понта верховной власти Рима брала свои истоки в событиях третьей митридатовой войны, и к этому же времени относится формирование проримской позиции в среде городской аристократии, которая имела возможность убедиться в политических и экономических выгодах от добровольного перехода на сторону римлян. Ради приобретения военно-политической поддержки с римской стороны горожане были готовы претерпеть ограничения в своем политическом статусе. После размышления римских войск в Тире, Ольвии и Херсонесе на постоянной основе в первой половине II в. н.э., горожане оказались в настолько сильной степени привязаны к Риму, что отклонение их от проримского курса стало практически невозможным, и их дальнейшая интеграция в состав Империи могла пройти достаточно безболезненно.

8) Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья развивались по разнообразным каналам, включая практически все сферы жизни, но ведущее значение имели контакты политического и военного характера, а явления экономического рода были тесно связаны с военно-политическими акциями или даже напрямую вытекали из них.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые выделяется и рассматривается отдельное, северо-восточное направление во внешней политике Рима и рассматриваются взаимоотношения государств Северного Причерноморья и Закавказья с Римом как явления одного порядка. Нестандартным является и использование проблемного принципа, предусматривающего изучение внешнеполитических событий с позиций обеих контактировавших сторон. При этом упор делается не на изложении фактического материала, а на выделении и исследовании структурообразующих основ международных отношений – анализе особенностей стратегии и тактики в организации внешнеполитических мероприятий, определении интересов и целей усилий в сфере внешней политики, рассмотрении методов и форм поддержания и развития внешних связей, оценке итогов и последствий внешнеполитических акций. Автором предложены и обоснованы концептуальные модели развития

внешней политики Рима и его контрагентов, причем не статичные и носящие универсальный характер, а динамичные и используемые применительно к определенным временным промежуткам и конкретным историческим условиям.

Для исследования выбраны узловые и наиболее дискуссионные вопросы, изучение которых на основе тщательного анализа всей совокупности известных к настоящему времени источников и объективного рассмотрения существующих научных концепций позволяет во многом по-новому подойти к решению обозначенных проблем. По некоторым вопросам, которые ранее уже не раз становились предметом научного исследования, высказываются точки зрения, либо отличающиеся от общепринятых, либо развивающие и углубляющие аргументацию в пользу ранее сформулированных выводов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы как антиковедами для разработки проблем истории стран Северного Причерноморья и Закавказья и римской восточной политики, так и специалистами по другим периодам всемирной истории для сравнительно-исторического анализа, в первую очередь в рамках изучения истории международных отношений. Результаты работы могут найти применение в учебном процессе при разработке общих и специальных курсов, посвященных политической истории древнего Рима и государств Северного Понта и Закавказья и международных отношений в античности. Исследование принципов римской внешней политики не лишено актуальности и потому, что таким образом можно найти выход на проблемы современных международных и межэтнических отношений, сущность которых в основе своей похожа на проблемы, стоявшие перед античными государствами.

Апробация результатов исследования. Различные аспекты и проблемы, поднятые в исследовании, обсуждались на научных конференциях, в которых автор принимал участие: «Боспорский феномен» (Санкт-Петербург), Жебелевские чтения (СПбГУ), курсы повышения квалификации «Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и классической археологии» (ИВИ РАН), научный семинар «Античный мир и его наследие» (БелГУ), чтения памяти проф. Н.П. Соколова (ННГУ), чтения памяти проф. С.И. Архангельского (НГПУ), конференция, посвященная 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ, конференция «Дискуссионные вопросы российской и всемирной истории» (АГПИ), научный семинар «Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время (АГПИ), конференция «В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии» (АГПИ). Результаты исследования отражены в опубликованных монографиях и статьях общим объемом около 45 п.л. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ и рекомендована к защите.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя введение, шесть глав, разделенных на параграфы, заключение и список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, хронологические и географические рамки, цели и задачи, методологическая основа, научная новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе анализируются источники и историография. Параграф 1 представляет собой обзор источников, а в параграфе 2 рассматривается история изучения взаимоотношений Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в отечественной и зарубежной историографии.

Вторая глава «Политика Римской республики в Северном Причерноморье и Закавказье» посвящена рассмотрению мероприятий римлян на северо-восточном направлении в республиканскую эпоху. В параграфе 1 показана предыстория римского проникновения в Закавказье и Северное Причерноморье, и речь идет о событиях II в. до н.э., причем основное внимание привлекают два эпизода.

Сведения о первых контактах римлян с армянами датируются периодом Сирийской войны с Антиохом III, в ходе которой, по сообщению Страбона, армянский наместник Артаксий перешел на сторону римлян и, провозглашенный царем, получил независимость. Это означало установление дружественных отношений между Римом и Арменией: для римлян в сложившейся ситуации был важен отход армян от поддержки Селевкидов, а для Артаксия признание его в качестве полноправного правителя, но на этом развитие римско-армянских контактов надолго затормозилось, поскольку стимулов для их дальнейшего развития не было ни у той, ни у другой стороны.

Первым свидетельством вхождения Северного Причерноморья в сферу римских интересов стал договор Фарнака с херсонеситами, одним из условий которого являлось сохранение дружбы с римлянами. Дата заключения соглашения остается спорной, но из предлагающихся версий более обоснованными представляются те, которые относят договор к 50-м гг. II в. до н.э. Не вполне понятно желание Херсонеса продемонстрировать свою дружественность по отношению к римлянам, так что можно предложить два объяснения. С одной стороны, нельзя исключить возможность вхождения Херсонеса в формальную дружбу с Римом уже в первой половине II в. до н.э., что впоследствии могло стать основой для обращения херсонеситов за римской поддержкой в освобождении города из-под власти Боспора. С другой, обещания херсонеситов можно воспринимать как кальку с подобных обязательств Фарнака, для которого было крайне важно продемонстрировать свою лояльность римлянам: тем самым херсонеситы постарались придать договору с понтийским царем характер соглашения равных партнеров, что на деле являлось фикцией. В любом случае, на протяжении последующих десятилетий интереса Рима и Херсонеса к установлению прямых взаимоотношений не заметно.

В параграфе 2 определяются общие особенности римского империализма на Востоке во II – I вв. до н.э. В организационном отношении определяющую роль в ведении внешнеполитической деятельности Римской республики играл сенат, но преувеличивать степень внешнеполитического планирования

Рима не стоит, поскольку существовали трудности объективного характера, накладывавшие ограничения на осуществление долгосрочного планирования. Скорее римский сенат в каждом случае решал конкретную узкую задачу, не имея заранее подготовленных проектов развития экспансии. Исходя от этого, отказ от однозначного определения римского империализма как оборонительного или наступательного видится вполне оправданным.

Римское общество было военизированным и готовым к внешнеполитической агрессии, но для древности это не являлось исключительным явлением. Римляне были способны реагировать на любую действительную или мнимую угрозу для организации военных акций, и состояние источников в большинстве случаев не позволяет однозначно определять жертву или агрессора в том или ином военном конфликте. Вместе с тем, успешность римских действий во многом определялась взвешенной дипломатией, что особенно заметно при рассмотрении восточной политики Римской республики. Распространение прямого римского господства на Восток осуществлялось достаточно медленно, что было осознанным выбором римлян, в том числе и для того, чтобы не брать на себя излишнюю ответственность. Расширение владений Рима в этом направлении шло очень осторожно, и римляне избегали брать на себя чрезмерные обязательства, предпочитая военному вмешательству дипломатические средства усиления своего политического влияния.

Особое развитие здесь получила система, получившая в исследовательской литературе условное название «внешнеполитической клиентелы». Правители государств, вступающих в соприкосновение с Римом, становились формальными римскими друзьями и союзниками, но в перспективе их статус в двусторонних отношениях понижался до уровня клиентов, покорно шедших в фарватере римской политики. При этом, вопреки распространенным представлениям, не нужно противопоставлять систему клиентелы политике провинциализации, то есть насаждения прямого римского управления. На практике это были взаимодополняющие методы римской политики, и ограничение использования системы клиентелы четкими хронологическими и географическими рамками представляется необоснованным. Для самих римлян различие между прямым и непрямым управлением подчиненными землями было не столь важно, как сам факт подчиненности их власти, и представление римлян о своей империи было гораздо более широким, чем ограничение их Империи землями, входившими в состав провинций. Зависимые государства также могли восприниматься римлянами как часть их владений, что показывает та легкость, с которой римляне изменяли их статус.

На римскую внешнюю политику серьезное влияние оказывал баланс сил во внутривосточной борьбе, и определение судьбы побежденного противника зачастую определялось конъюнктурными интересами социальных групп или лиц, влиявших на принятие внешнеполитических решений, и связь между внутри- и внешнеполитическим развитием Рима была весьма заметна именно в позднереспубликанскую эпоху.

Параграф 3 «Включение Северного Причерноморья и Закавказья в сферу римского влияния (90 – 60-е гг. I в. до н.э.)» посвящен преимущественно собы-

тиям в ходе митридатовых войн, результатом которых стало распространение влияния Рима на указанные области.

Давая оценку политической ориентации Митридата VI и Тиграна II, сложно согласиться с нередко постулируемым положением об их изначально существовавшей антиримской позиции. Целью обоих царей было создание крупных держав, но по возможности они старались избежать столкновения с Римом. Изображение Митридата и Тиграна «прирожденными» римскими врагами является следствием ретроспективного анализа их ранней политики сквозь призму последующей борьбы с Римом, но объективный анализ первых этапов их политической деятельности такие оценки не подтверждает. Взлет Понтийского и Армянского царств не избежал внимания со стороны римлян, и их поведение по отношению к усилившимся Митридату VI и Тиграну II становилось все более жестким. Римляне не стремились приблизить войну, но в то же время были готовы к эскалации конфликта: окончательный выбор делала скорее другая сторона. Фактически римляне поставили обоих правителей перед альтернативой: остаются ли они в русле проримской политики либо решаются на борьбу с Римом. Предоставляемый выбор включал в себя либо добровольное признание римского превосходства, либо войну, в случае победы в которой римляне навязывали свое господство, но уже в более жесткой и грубой форме. Выбор войны Митридатом и Тиграном predetermined их дальнейшую судьбу, и их пример мог служить наглядным подтверждением для других, более мелких властителей выгодности заблаговременного перехода на сторону Рима.

Итогом военных усилий римлян в ходе третьей митридатовой войны стало крушение Понтийской и Армянской держав и распространение римского влияния на Северное Причерноморье и Закавказье, которые были втянуты в противоборство с Римом. Участь Тиграна, в конечном итоге добровольно склонившегося к ногам Помпея, была определена благоприятным образом: хотя армянский царь лишился большей части захваченных им земель, его статус как монарха был подтвержден, и римляне стали видеть в Армении возможный противовес появившейся на горизонте римской политики Парфии. Дружественные отношения были установлены с правителями кавказских государств и Фарнаком, которые выразили готовность признавать римское превосходство. Тем самым римляне демонстрировали, что сотрудничество с ними может быть взаимовыгодным, в то время как борьба привести к фатальному исходу.

В целом, признание политического господства Рима местными правителями и готовность выполнять предъявляемые римлянами обязательства были первой стадией распространения римского господства, и очевидно, что в отношении Северного Причерноморья и Закавказья к концу 60-х гг. до н.э. этот рубеж казался римлянам преодоленным. Задача-минимум – установление политической гегемонии над новыми землями – была успешно решена.

Параграф 4 «Ослабление римских позиций в Причерноморье и Закавказье (конец 60-х – 40-е гг. I в. до н.э.)» определяет причины, проявления и последствия снижения римского влияния в указанных временных рамках.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на развитие внешнеполитической деятельности римлян в 50-е гг. I в. до н.э., следует признать изменение со-

отношения сил во внутренней борьбе в Риме. Появление триумvirата сделало внешнею политику сферой деятельности больше не сената, а триумвиров и связанных с ними лиц, что сделало внешнеполитические акции римлян менее последовательными и, соответственно, эффективными. Наиболее крупным внешнеполитическим мероприятием Рима на Востоке в это десятилетие стал парфянский поход М. Красса, закончившийся провалом по целому ряду причин, среди которых важное место занимает отказ от помощи армянского царя Артавазда II. Парфянская авантюра Красса привела не только к римско-парфянской вражде, но и к резкому ухудшению отношений с Арменией.

Гражданские войны 40-х гг. I в. до н.э. сделали проведение продуманной и последовательной внешней политики Римом еще менее возможным. Зависимые государства оказались втянуты во внутренние распри римлян, служа источником ресурсов для противоборствующих сторон. Общая нестабильность политической ситуации и увеличение признаков недовольства политикой римлян из-за их усилившегося нажима сильно поколебали римские позиции на Востоке. Определенная стабилизация положения при Цезаре, сумевшего ликвидировать достаточно серьезную угрозу в лице боспорского царя Фарнака и пытавшегося урегулировать ситуацию в зависимых государствах (среди прочего можно отметить передачу прав на Боспор Митридату Пергамскому и предоставление свободы Херсонесу), оказалась кратковременной, поскольку после его убийства Рим вновь погрузился в пучину междоусобных войн. Тем не менее, предпосылки для восстановления утраченных позиций в Северном Причерноморье и Закавказье не были утрачены, так как в военно-политическом отношении римское превосходство оставалось бесспорным, и местные правители и представители городского населения проявляли заинтересованность в возобновлении контактов с Римской республикой.

В параграфе 5 определяется место Северного Причерноморья и Закавказья в восточной политике М. Антония. В своей политике Антоний делал ставку на зависимых правителей: он возродил и частично создал заново ряд зависимых от Рима государств, поставив над ними угодных ему династов. Такая система давала Антонию ощутимые преимущества в финансовой и военной сферах, и в сложившихся условиях подобная политика представляется вполне оправданной. Антоний намеревался создать на восточных и северо-восточных границах римских владений цепь сильных зависимых государств, на которые он мог бы опираться в своей политике, и выбор правителей, назначаемых в ключевые государственные формирования, был вполне удачен.

Основным объектом приложения военных усилий Антония на Востоке стала Парфия, для достижения победы над которой римляне нуждались в помощи Армении. В отношении Артавазда II Антоний во многом повторил ошибки Красса, проигнорировав разумные советы армянского царя и свалив затем на него вину за провал кампании. Расправа над Артаваздом вызвала раскол римско-армянского союза и прилив антиримских и пропарфянских настроений в Армении.

Оценивая политику Римской республики в Северном Причерноморье и Закавказье, следует отметить, что продвижение римлян в эти области не было

строго целенаправленным и прямолинейным. До войн с Митридатом Рим не проявлял особого желания расширять сферу своего влияния на северо-востоке, и лишь использование местных ресурсов для развертывания антиримской борьбы (Митридат VI, Тигран II, позднее Фарнак) подтолкнуло римлян к уделению большего внимания этому региону, от стабильного положения в котором зависела безопасность римских восточных владений. Общие цели Рима не предполагали установления здесь прямого римского управления – на первых порах было достаточно изыскания местными правителями покорности и готовности прислушиваться к римским приказаниям. На проводимую в отношении местных государственных образований политику свой след накладывали личные интересы римских полководцев, и с течением времени это влияние становилось все более заметным. Время особенно прочных позиций Рима в Северном Понте и Закавказье приходится на окончание восточной кампании Помпея, чьими клиентами стали правители Армении, Боспора, Колхиды, Иберии и Албании. Также высокой степени римское влияние достигло к середине 30-х гг. I в. до н.э. Для включения и удержания в сфере своего контроля Северного Причерноморья и Закавказья римляне использовали либо открытую военную силу, либо угрозу ее применения, но в дальнейшем связь Рима с данными государствами имели форму преимущественно личных контактов на высшем уровне.

Развитие событий показало, что лучшей основой для укрепления связей являлась поддержка представителей местных правящих кругов и учет их интересов в проводимой Римом политике. Лишь по мере того, как полнее проявлялись военные, политические, экономические и даже культурные преимущества от перехода на римскую сторону, можно было надеяться на установление действительно прочных связей, державшихся не на силовом давлении, а на взаимовыгодном сотрудничестве. Однако в период поздней республики восточные государства воспринимались не как достойные уважения субъекты внешней политики, а в большей степени как средства к достижению целей в римской внутренней политике. Объективно именно это ограничивало эффективность использования римских военных и политических возможностей в сфере внешней политики.

Глава 3 «Политика Рима в Северном Причерноморье и Закавказье в период раннего принципата (последняя треть I в. до н.э. – первая треть II в. н.э.)» продолжает поэтапное изучение римской политики. В параграфе 1 анализируются изменения в организации внешнеполитической деятельности Рима в период становления Империи. Приход к единоличной власти Октавиана Августа после окончания гражданских войн изменил римскую государственную организацию, что отразилось и на внешнеполитической сфере. Прежде всего, нужно отметить еще более возросшую роль личного фактора, поскольку военное планирование и взаимоотношения с зависимыми правителями находились целиком в компетенции императора. С одной стороны, концентрация властных полномочий во внешнеполитической сфере несколько упорядочила процесс принятия конкретных решений, вернула внешней политике осмысленность и целенаправленность. С другой, внешняя политика стала во многом определяться личными пристрастиями, а подчас и капризами принцев, так что смена императора таила в себе угрозу резких колебаний во внешнеполитической сфере.

Правда, роль императора в руководстве внешней политикой не была всеобъемлющей, так как сама система принятия и реализации внешнеполитических решений накладывала определенные ограничения на возможности императоров, не говоря об объективно существовавших пределах допустимых действий. Во-первых, некоторое значение как органа руководства внешней политикой сохранил сенат, в котором шла борьба группировок, оказывавшая чувствительное воздействие на государственную политику. Во-вторых, императоры не всегда могли непосредственно воплощать свои решения в жизнь, и в этом вопросе вынуждены были полагаться на старание исполнителей, у которых могло быть свое видение ситуации. Диапазон действий, сводивших инициативу императора к минимуму, колебался от неисполнения конкретного приказа из Рима до скрытого саботажа, направленного на дискредитацию решения, принятого императором. В-третьих, ограничения на внешнеполитические возможности императоров накладывала система сбора информации, а также используемые приоритеты при выборе решений. В долгосрочном отношении данных для стратегического планирования было явно недостаточно, и большинство императоров старались применять наработанные схемы действий. Во внешнеполитической сфере большое значение сохраняли категории морально-религиозного свойства, и выбор решения делался в свете культуры греко-римского мира, причем за основу брались исторические прецеденты.

Руководящей идеей во внешней политике был идеал достижения мирового господства, но эта концепция испытывала определенную трансформацию. По мере того как становилось все менее достижимым мировое господство в полном смысле, замедлялся процесс территориального расширения Империи, и одновременно возрастало значение военно-политических контактов с зависимыми государствами, которые должны были свои усилия направлять в желательное для Рима русло. Создание и поддержка клиентских государственных образований по периметру римских границ оставались одним из главных направлений внешней политики Империи.

В параграфе 2 рассматривается политика Августа по отношению к северо-восточным соседям Римской империи, в рамках которой есть возможность выделить ряд этапов. В 20-х гг. I в. до н.э. Август фактически сохранил *status quo*, не пытаясь активно навязывать свою волю местным властителям, находившимся у власти. Активизация римской политики на Востоке начинается в конце 20-х гг., и предпоследнее десятилетие I в. до н.э. прошло под знаком усиления римского влияния в зависимых восточных странах. Используя военное давление и ослабленное состояние Армянского и Боспорского царств из-за внутренней борьбы, Август организует укрепление тронов за своими назначенцами – Тиграном III и Полемоном. Проведенные военные акции имели скорее показательный характер, и особых затруднений римлянам испытать не пришлось. Август использовал больше дипломатию, основанную на угрозе применения силы, и результаты полностью оправдывали его ожидания.

Уже в это время заметно выделяется характерная особенность политики Рима по отношению к зависимым царствам: урегулирование проблем в них доверялось потенциальным преемникам императора. Подобное сужение круга

лиц, которым принцепс мог доверять ответственные поручения по закреплению власти за римскими протее, объясняется тем, что процедура наделения властью полномочиями зависимых властителей подразумевала установление личных связей патронато-клиентского характера.

Легкость первых совершаемых акций должна была внушить Августу мысль о несокрушимости римских позиций в Северном Причерноморье и Закавказье, однако реальность внесла коррективы в проекты Августа и указала на первостепенную важность одного обстоятельства, которое император, видимо, поначалу недооценивал. Римские ставленники со стороны имели узкую социальную опору в тех государствах, которыми они управляли, и без прямой военной поддержки Рима удержаться у власти им было сложно. Уже в последнем десятилетии I в. до н.э. Августу пришлось столкнуться с неудачами своих протее, которых сметали восстания местного населения. Обеспечить прочность их режимов можно было одним радикальным способом – размещением постоянных воинских контингентов, но в силу ограниченности римских сил на Востоке Август не мог себе этого позволить.

Ряд политических неудач, особенно значительных в Армении, отчетливо показали Августу бесперспективность насаждения властителей, покорных римской воле, но не способных эффективно контролировать ситуацию в управляемых царствах. Критерии отбора кандидатов на престолы зависимых государств несколько изменились, и Август вынужден был допускать закрепление у власти представителей местных династий, пользовавшихся поддержкой среди местного населения. Безусловно, от них также требовалось признание римской гегемонии, однако степень контроля клиентов с римской стороны неминимумо снизилась. Фактически император признавал на Боспоре и в Армении монархов, пришедших к власти если не вопреки его воле, то явно помимо его изначальных замыслов. Тем самым усиливалось политическое значение местных правящих элит, убедившихся в возможности противостоять римскому вмешательству и получивших большую свободу действий.

В последние годы правления Августа пассивность римской политики нарастала, и Рим мог пользоваться только остатками плодов предшествующих побед. Развитие ситуации все дальше уходило от желательного для римлян сценария, и мощным ударом по римскому политическому авторитету стала вступление Артабана на парфянский трон, что рассматривается как поражение Рима в восточных делах.

В параграфе 3 исследуются северопонтийское и закавказское направления политики императоров из династии Юлиев-Клавдиев (14 – 68 гг. н.э.). На протяжении правления ближайших преемников Августа политика в отношении зависимых государств на северо-восточных рубежах несколько раз испытывала резкие повороты. Для Тиберия было характерно спокойное отношение к проблеме расширения римских владений, и на Востоке император не предпринимал попыток ускорить процесс инкорпорации клиентских формирований в состав Империи, а наоборот, несколько ослабил давление на римских «союзников». Для него приоритетной целью было поддержание стабильной ситуации в приграничной зоне, ради чего он был готов избавить зависимых правителей от

мелочной опеки. Такая «мягкая» позиция способствовала снижению накала антиримской борьбы, поскольку отказ римлян от навязывания своей воли вызывал определенный рост проримских симпатий. Недостатком такой линии внешнеполитического поведения было то, что скорость римской реакции на происходившие на границах Империи события заметно снижалась. Перенос тяжести римской политики на дипломатическую сферу в ущерб военной воспринимался противниками Рима как проявление слабости; к тому же, преимущественное использование клиентов для решения римских внешнеполитических проблем (как, например, в случае с Иберией и Арменией) ставило императора в зависимость от того, насколько добросовестно готовы были исполнять свои обязательства клиентские правители. Во многом Тиберию повезло, что в ключевых царствах – Армянском и Боспорском – у власти оказались эффективные правители, готовые признавать римское господство, но смерть Зенона и Аспурга вызвала осложнения во взаимоотношениях Рима с Арменией и Боспором. Зависимые государства, скорее всего, воспринимались Тиберием как буферная зона, внутри которой допускались определенные движения, и усилия Рима были направлены лишь на поддержание общего контроля при уклонении, насколько это было возможно, от использования силовых средств.

Принципат Калигулы демонстрирует совершенно другое отношение к клиентам. Для Калигулы зависимые области были чем-то вроде личного императорского домена, из которого он мог награждать верных ему друзей и наказывать неугодных властителей словно своих управляющих. Калигула тасовал зависимых правителей по своему усмотрению, мало заботясь о возможных последствиях всех этих перемещений. Бесспорно, что такой стиль политики не мог не стать дестабилизирующим фактором в развитии взаимоотношений Рима с зависимыми государствами, местное население которых негативно воспринимало императорские инициативы. Впрочем, политические перестановки не были подкреплены соответствующей военно-материальной базой, что обусловило поверхностность и слабую жизнеспособность происходивших перемен.

Политика Клавдия характеризуется тем, что, с одной стороны, военная активность Рима заметно возросла, что позволило продолжить экспансию, а с другой, новому принцепсу явно не хватало инициативности в проведении энергичного внешнеполитического курса. В отношениях с зависимыми правителями Клавдию, видимо, более импонировала роль верховного судьи, могущественного, но в то же время готового внять призывам к милосердию. Характерно, что все наиболее крупные внешнеполитические мероприятия Клавдия были реакцией на внутрдинастические споры клиентов (Митридат Боспорский и Котис, Митридат Иберский и Радамист).

При Нероне впервые за долгое время тяжесть римской внешней политики переместилась на Восток, где основным объектом приложения усилий Рима стала Армения. Мероприятия Нерона демонстрируют, что целью его взаимоотношений с зависимыми властителями было собственное возвеличивание за счет их принижения. Военные усилия Рима не были бесплодны, и римские позиции на Востоке окрепли, однако это было достигнуто в очень малой степени благодаря заслугам лично принцепса. Болезненное поражение римлян в Британии,

Рандейская капитуляция и начало восстания в Иудее были показателями неспособности Нерона взять на себя основные для императора военные функции, и пропагандистские усилия по прославлению триумфов принцепса не могли скрыть этот факт. В то же время задача поддержания стабильности границ на северо-востоке Империи осложнялась грандиозными перемещениями варварских племен, охватывавшими в первую очередь Северный и Северо-Западный Понт и вплотную подступавшими к римским рубежам. Нерон явно утрачивал контроль над внешнеполитической ситуацией, что стало одной из причин всеобщего возмущения против него.

В параграфе 4 анализируется римская политика в Северном Причерноморье и Закавказье в период гражданской войны и правления Флавиев (68 – 96 гг.). В ходе гражданской войны внимание Рима к положению в зависимых государствах неминуемо уменьшилось, но стабильные взаимоотношения были быстро восстановлены. Если сравнивать между собой политику двух первых императорских династий, то можно заметить, что Флавию, при которых внешняя экспансия пошла на спад, стали более ответственно относиться к клиентским государствам, которые оказались теснее связаны с Империей узлами военного сотрудничества, но при этом их политическая зависимость ослабла. Флавию оказывали военное и материальное содействие государствам, находившимся в орбите римского влияния, и те стали осознанно восприниматься как первая линия обороны рубежей Империи. В то же время, стремление навязать свое всестороннее политическое господство уже не было так ярко выражено, как ранее, что выразилось в меньшем вмешательстве в вопросы престолонаследия в зависимых царствах и более «либеральной» политике по отношению к местному монетному делу. Перенос центра тяжести с политических деклараций на реальное военное сотрудничество привел к тому, что отношение к Армении, не желавшей встраиваться в создаваемую римлянами оборонную систему, стало враждебным, а варварские племена, прежде всего аланы, несмотря на то что они вряд ли интенсивно выражали свои проримские симпатии, воспринимались как ценные военные союзники, и Рим всецело поддерживал их агрессивные устремления в отношении земель за пределами своего влияния.

Заметным явлением в политике Флавиев стало стремление обеспечить рост проримских симпатий среди местного населения зависимых государств путем распространения благ материального характера. Для правителей это были дары или даже регулярные выплаты, а для высших слоев населения греческих городов – римское гражданство.

Планомерное укрепление границ Империи позволило четче обозначить нишу, предназначенную для союзных государств: с одной стороны, опасность поглощения их Римом снизилась, так как становилось все очевиднее, что бесконечное расширение пределов Римского государства невозможно, а с другой – римляне стали больше интересоваться их материальные ресурсы, которые можно было использовать для охраны подступов к собственно провинциальным землям, и усилия по привлечению местной правящей элиты на римскую сторону приобрели более целенаправленный характер.

Параграф 5 содержит анализ политики Траяна и Адриана в Северном Причерноморье и Закавказье. К концу принципата Траяна Рим достиг значительных внешнеполитических успехов, что прежде всего выразилось в создании провинций на основе покоренных Дакии, Армении и Месопотамии. Однако приписываемое Траяну стремление искоренить все полузависимые и зависимые государственные образования на восточных границах на самом деле не прослеживается. Слой клиентских государств сохранялся и продолжал играть важную роль в осуществлении римских замыслов, но вмешательство в дела зависимых царств и городов заметно усилилось. Во многом Траян вернулся к прежним методам внешней политики, присущим Юлием-Клавдиям: нацеленность на территориальную экспансию, ярко выраженное мощное политическое давление на зависимые государства. Однако эти военно-политические успехи носили поверхностный характер, и использование насильственных средств для подчинения воле Рима не сопровождалось адекватным ростом проримских симпатий среди подвластного населения, что и определило шаткость завоеваний Траяна.

Адриан с самого начала правления продемонстрировал иной подход к решению внешнеполитических проблем Империи и начал планомерный переход к политике стратегической обороны на границах. В Северном Причерноморье Боспор, представлявший собой мощное в военном отношении государство, воспринимался как наиболее ценный военный союзник Рима, и римско-боспорские отношения пребывали в спокойном русле. Рим был заинтересован в укреплении армии и системы обороны Боспорского царства, и не исключено, что местным царям оказывалась материальная помощь. Общий надзор за ситуацией в Северном Понте и Закавказье находился в компетенции наместников Вифинии-Понта и Каппадокии. Система обороны римских рубежей стала включать в себе укрепления на восточном побережье Понтийского моря. Армения как часть римской оборонительной системы была потеряна, и контакты с Римом выражались только в формальном признании армянских царей, так что роль наиболее важного военного союзника Рима в Закавказье играла Иберия. В конечном итоге Адриан создал, а Антонин Пий еще более отладил эффективный механизм сдерживания внешних угроз, составными частями которого были римские укрепления и войска в пограничной зоне, а также зависимые государства, усиление которых римляне поощряли и оказывали им прямую поддержку. При этом сильного политического давления на них не оказывалось, и целью римской политики стал не всеобъемлющий контроль над зависимыми странами, а сохранение их проримской ориентации.

Делая общую оценку римской политики на северо-восточном направлении, можно выделить две магистральные внешнеполитические концепции, и, исходя из этого, две модели отношений с государствами, находившимися в орбите римского влияния. Разумеется, в чистом виде эти модели вряд ли встречались, и на практике происходило использование разнообразных методов обращения с зависимыми государствами, но общие ориентиры можно обозначить.

Наступательная концепция наиболее характерна для эпохи Юлиев-Клавдиев и правления Траяна, и она предполагала модель поведения, которую можно условно назвать «патронато-клиентской». К ее особенностям относится:

нацеленность Рима на территориальную экспансию и постепенную инкорпорацию зависимых земель в состав провинций; оказание мощного политического давления на клиентов, включая вмешательство в династические вопросы вплоть до смещения неугодных правителей и применение мер административного характера (запрет или ограничение чеканки, изменение статуса городов и т.д.); перекладывание обязанностей охраны подступов к римским рубежам на плечи клиентов, в то время как римская армия использовалась преимущественно для наступательных операций; отказ от постоянного военного присутствия – он был возможен только в форме краткосрочной оккупации; ориентация на полную лояльность Риму местных правящих элит без приложения значительных усилий по расширению социальной опоры римлян среди широких слоев населения.

Оборонительная концепция, которая получила открытое признание при Адриане, означала сосредоточение римских усилий на защите того, что уже было приобретено, и, соответственно, менялось отношение к зависимым государствам. Альтернативную модель отношений с ними можно назвать «союзнической». Конечно, полное равноправие союзников не достигалось, но все же статус контрагентов Рима изменялся в лучшую для них сторону. Для данной модели характерны следующие черты: отказ или резкое свертывание Римом наступательных операций и более прочные гарантии сохранения государственности царств и полисов, контактировавших с римлянами; снижение политической активности Рима в отношении соседних государств, отказ от стремления во что бы то ни стало навязать свою волю, чтобы не вызвать ответной негативной реакции, признание традиционных государственных режимов; целенаправленные усилия по охране римских границ с помощью военных ресурсов Империи – более эффективное распределение войск, создание системы укреплений; оказание союзным государствам прямой поддержки со стороны Рима в виде размещения гарнизонных отрядов, денежных выплат, помощи в строительстве укреплений; более сбалансированная социальная политика – снятие ограничений на чеканку монет, предоставление городам широких политических прав, включая элевтерию, распространение римского гражданства. Конечно, использование данной модели вряд ли было абсолютно добровольным шагом со стороны римлян. Скорее это было вызвано невозможностью продолжать экспансию в прежнем ритме и желанием ослабить напряжение римских военных сил. Именно под давлением внешних обстоятельств и осознанием ограниченности римских сил наиболее дальновидные императоры отказывались от агрессивной политики, начиная более экономно относиться к ресурсам, находившимся в их распоряжении.

В последующем рецидивы наступательной политики еще имели место, например, в 60-х гг. II в., однако после Адриана приоритетной становится оборонительная стратегия, в рамках которой зависимые государства прочно занимали предназначенную им нишу, все более превращаясь в глазах римлян из безропотных клиентов в ценных союзников.

В четвертой главе определяются черты проримской и антиримской ориентации в политике правителей Боспора и закавказских государств во II в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Параграф 1 посвящен изучению внешнеполитиче-

ской ориентации боспорских царей. С середины I в. до н.э. статус всех боспорских правителей имел признаки определенной зависимости от Рима, причем четко проявляется тенденция к увеличению этих черт. Откат в сторону большей самостоятельности произошел при Митридате VII, но потом последовало окончательное закрепление зависимого статуса боспорских царей, причем критической точкой стало правление Котиса, находившегося под полным римским влиянием – при нем государственность Боспора оказалась на грани ликвидации. К концу I в. был достигнут определенный баланс сил в определении политического статуса боспорских царей и выражении ими своей политической ориентации: римское участие в процедуре передачи власти и выражение царями своих дружеских связей с Римом стали обязательными, но в остальном прочность положения правителей Боспора обеспечивалась их собственными силами. Престол оставался достоянием одной династии, и монархи стремились повысить свой статус путем принятия дополнительных титулов и эпитетов, что отражало их политические и военные успехи.

В отношении монетного дела нужно выделить прибытие Полемона на Боспор и 60-е гг. I в. как рубежи, разграничивающие периоды в истории местной чеканки. На протяжении почти всего I в. до н.э. римское влияние никак не отражалось на монетном производстве. Приход к власти римского ставленника Полемона коренным образом изменил ситуацию, и с конца I в. до н.э. на Боспоре формируется определенный тип монет, характеризующий положение Боспора как зависимого от Рима государства. Митридат VII попытался придать своей чеканке более независимый вид, но при Котисе I боспорские монетные выпуски стали уподобляться провинциальным. После Котиса I на протяжении последней трети I – начала II вв. постепенно формируется внешний облик боспорских монет, который надолго потом закрепился. Ориентация на Рим проявлялась в придерживании римских весовых норм и помещении изображений императора на золоте, но в то же время чеканка сохраняла самобытный вид, и большинство монетных типов носили местный характер.

Самым действенным средством оказания давления на боспорских царей и средством выражения последними своей преданности Риму были военные акции. Можно отметить, что наиболее последовательны в выражении своих проримских симпатий были правители, прямо назначенные римлянами или пришедшие к власти благодаря римской поддержке (Полемон, Динамия, Аспург, Котис I, Риметалк). Именно военное присутствие римлян ставило Боспор под полный римский контроль, однако пребывание войск Рима на боспорской территории было лишь эпизодическим.

В общем, римское влияние шло по нарастающей, с использованием более действенных методов, все глубже проникая в основные сферы деятельности Боспора. При этом явно просматривается, что римляне непосредственно имели дело главным образом с боспорскими царями. Не подлежит сомнению, что правящие круги на Боспоре также в определенной степени были заинтересованы в сотрудничестве с Римом, и рост проримской ориентации не был последствием лишь жесткого принуждения с римской стороны. В первую очередь, Рим был мощной военной державой, и хотя боспорским царям в рассматриваемый пери-

од удавалось самостоятельно сдерживать варваров, они не могли не осознавать значения того факта, что римляне являются их союзниками. С другой стороны, торговые интересы подталкивали Боспор к сохранению нормальных отношений с Римом. После попыток Рима навязать более жесткий контроль в виде насаждения своих ставленников и даже стремления распространить на Боспор провинциальное устройство, к концу I в. римско-боспорские отношения входят в более спокойную фазу, обретя характер военно-политического и экономическо-го сотрудничества на взаимовыгодной основе.

В параграфе 2 выделяются проримские и антиримские элементы в политике армянских царей. Рубежными периодами в отношениях армянских царей с Римом стали 60-е гг. I в. до н.э. и 60-е гг. I в. н.э. Первую веку образует формирование зависимого статуса Армении после разгрома и капитуляции Тиграна II. С этого момента армянские цари прочно входят в орбиту римского влияния. В отличие от боспорских правителей, которые долгое время могли ограничиваться политическими декларациями в выражении своей лояльности Риму, армянским царям приходилось доказывать свою верность делом, принимая участие в военных кампаниях римлян на Востоке. Армения оказалась зажата между двумя мощными государствами, чье соперничество многое определяло: нейтральная позиция Армении в римско-парфянском противоборстве была невозможна. Поскольку у Арташесидов имелись заметные противоречия с Парфией, имевшие более глубокую основу и более давнюю историю, чем противостояние с Римом, то объективно союз с римлянами отвечал их интересам, и в этом отношении цари были готовы частично поступиться своим суверенитетом при условии, что нажим со стороны римлян не будет чересчур сильным. Именно такой стиль отношений установился при Тигране II, и его преемник Артавазд II также был готов стать верным римским союзником на Востоке.

Однако адекватного ответного отношения со стороны Рима не наблюдалось – вместо этого римляне стали все более грубо вмешиваться в дела Армении и навязывать армянам своих ставленников, что мало способствовало усилению проримских симпатий среди населения. Нежелание римлян считаться с армянскими интересами привело к появлению у царей пропарфянской ориентации, первым носителем которой стал Артаксий II.

К концу I в. до н.э. Риму удалось установить в Армении марионеточный режим – черты проримской ориентации стали намного заметнее, проявляясь не только в политической сфере, но и в монетном деле, а сами цари нередко не принадлежали к традиционной династии Арташесидов и удерживали власть лишь благодаря римской поддержке. Однако прочность таких режимов была весьма сомнительна ввиду узкой социальной опоры римских ставленников среди местного населения. Полный крах такая политика потерпела при Нероне, который вынужден был допустить установление власти над Арменией Аршакидов. Отношения Аршакидов с Римом строились на двойственной основе. С одной стороны, Тиридат и его преемники не отрицали формального верховенства власти Рима: процедура инвеституры царя императором и, видимо, соответствующие денежные выплаты стали неотъемлемой частью процесса оформления власти армянских Аршакидов. С другой стороны, в своей политике Аршакиды

в Армении однозначно ориентировались на Парфию, которая была гнездом их династии. Армения вышла из круга военных союзников Рима, но при этом не предпринимала и никаких антиримских акций – во многом именно это исключение Армянского государства из римско-парфянского противостояния как активно привлекаемого ранее участника обеспечило беспрецедентный по длительности период спокойствия во взаимоотношениях Рима и Парфии.

В параграфе 3 определяется место Рима в политике правящих слоев кавказских государств. Отношение правителей Иберии, Албании и Колхиды к Риму строилось с учетом оценки римского могущества в закавказском регионе и перспектив извлечения выгод из более тесных контактов с римлянами. В менее выгодном положении оказалась приморская Колхида, которая могла достаточно легко контролироваться Римом. Начиная с Аристарха, римляне имели в Колхиде своих ставленников, которые в полной мере выражали свою преданность Риму, и на протяжении последней трети I в. до н.э. – второй трети I в. н.э. колхидские земли управлялись Полемонидами, однозначно ориентировавшимися в своей политике на Римскую империю.

По-другому сложилась ситуация в Иберии. Поначалу установление и поддержание контактов с Римом было для иберских царей вынужденной мерой, и их целью было избежать действительного римского давления, для чего им было необходимо внешнее выражение своей лояльности. В начале второй трети I в. н.э. контакты активизировались, причем характер отношений изменился: угроза потери своих позиций в Армении вынудила Рим обратить более пристальное внимание на Иберию, чье усиление теперь соответствовало римским интересам. Совпадение интересов Иберии и Рима в отношении Армении, которое просматривается предельно четко, следует датировать именно 30-ми гг. I в. н.э., и в последующем такое положение дел сохранялось.

Албанские цари в отношениях с Римом поначалу стояли на той же ступени, что и иберские правители; но в силу большей удаленности Албании и меньшего ее военного значения она не в столь заметной мере интересовала римлян, как Иберия, так что ее цари были в меньшей степени связаны с Римом.

Подводя общий итог, следует отметить, что правители обладали широкими возможностями в отношении форм выражения своих проримских симпатий, причем среди черт ориентации на Рим, безусловно, были как навязанные извне, так и выражавшие добровольно принятую позицию, хотя, разумеется, между ними не всегда можно провести четкую границу. Перед правителями, желавшими прочно обосноваться у власти, стояли две основные задачи, которые были если и не противоположны, то явно разноплановы: 1) обеспечение себе римской поддержки или, по меньшей мере, признания; 2) приобретение симпатий автохтонного населения, что требовало проведения политики с учетом местных интересов. Перекос политики в ту или иную сторону грозил вполне понятными осложнениями: отход от проримской политики мог вызвать негативную реакцию со стороны Рима, вплоть до устранения неугодного монарха, а пренебрежение интересами своей страны выливалось в недовольство местного населения, что наиболее наглядно просматривается на примере Армении. Такая раз-

новекторность политики находила выражение и в складывании проримской и «национальной» группировок знати, участвовавших в борьбе за власть.

Сделать связи Рима с местными правителями по-настоящему прочными и устойчивыми можно было лишь одним единственным способом: допустить проведение царями такой политики, которая бы отвечала и римским, и местным интересам. С правления Флавиев и, окончательно, с приходом к власти Адриана можно говорить об установлении новых принципов отношений царей с Римской империей, которые в корне отличались от принципов, господствовавших в предшествующую эпоху. С одной стороны, зафиксировался некий набор необходимых средств, которыми цари показывали свою лояльность. С другой стороны, цари, прежде всего Боспора и Иберии, приобрели самостоятельность в вопросах не только внутренней, но отчасти и внешней политики. Их статус в ходе общения с Римом поднялся с уровня клиентов, обязанных беспрекословно выполнять римские указания, до практически равноправных союзников, которые должны были соотносить свою политику с интересами Римской империи, но были вправе рассчитывать и на ответное благожелательное отношение. Принципиальный вопрос раздела сфер военно-политической активности Рима и его союзников был успешно решен, поскольку приостановка римской экспансии позволила более четко обозначить зону влияния Рима, за пределами которой союзные цари могли свободно действовать. Такое положение обеспечило как большую искренность выражения своего дружественного отношения к Риму царями, так и прочную основу для развития последующих контактов.

В пятой главе определяется отношение к Риму населения северопричерноморских городов. Параграф 1 посвящен анализу римского направления в политике Херсонеса. I в. до н.э. – первая половина II в. н.э. были сложным периодом в истории Херсонеса, отмеченным утратой подлинной политической независимости. Несмотря на то, что херсонеситам невольно пришлось стать участниками столкновения Митридата Евпатора с Римом, завершение митридатских войн означало, что город в правовом отношении стал подчиняться римлянам, и к этому же времени можно отнести формирование проримской ориентации городской верхушки.

Обладавший незначительными военными силами Херсонес вынужден был рассчитывать на внешнюю помощь, которую были способны оказать как боспорцы, так и римляне, поэтому политическая история города данного периода представляет собой лавирование между Боспором и Римом, причем определяющей силой в направлении этих маневров был именно Рим. Римляне выступали арбитром во взаимоотношениях между Херсонесом и Боспором и могли или подтвердить элевтерию Херсонеса, особенно если боспорские цари внушали опасения, или предпочесть передать город Боспору. В условиях неизбежности выбора внешнего покровителя сами херсонеситы сделали ставку на Рим, как на более могущественную силу и как на державу, способную обеспечить сохранение полисного характера городского устройства. Кроме того, излишне агрессивная и подчас прямо антиримская политика боспорских царей побуждала херсонеситов дистанцироваться от Боспора, чтобы не быть втянутыми в конфликт с Римом.

Херсонес тянулся под римское покровительство и недвусмысленно давал об этом понять. Несомненно, что херсонесско-римские отношения находили формальное выражение в соглашениях, которыми определялся политический статус города. Внедрение определенных римских традиций в городскую жизнь относится уже к I в. н.э. Наиболее последовательной в выражении своей лояльности Риму была городская знать, которая добивалась приобретения римского гражданства и была инициатором в деле почитания императоров и оказания почестей наместникам Мезии, которые непосредственно отвечали за развитие контактов с Херсонесом. В выпуске монет зависимость Херсонеса от Рима проявилась позднее – лишь к середине I в. н.э. С этого времени чеканка производилась лишь с разрешения римлян, и стала использоваться римская система счета, хотя типология монет сохраняла традиционный характер.

Наиболее прочным связующим звеном между Херсонесом и Римом стало пребывание гарнизонных сил, которые фиксируются с первой половины II в. н.э. С 30-х гг. II в. н.э. основа взаимоотношений города с Римом получила окончательное оформление. Внешне город пользовался элевтерией, но с римского согласия, и являлся главной военной базой римлян в Северном Понте. Помимо гарнизона, проводником римского влияния были римские граждане среди городского населения, прежде всего верхних слоев. В дальнейшем причин для отхода городских властей от общей проримской ориентации не возникло, и сотрудничество, в первую очередь в военной сфере, продолжалось: город находился под набравшим силу римским влиянием.

В параграфе 2 выделяется позиция Ольвии в отношениях с Римом. Политическое верховенство Рима было признано ольвиополитами, очевидно, уже на исходе митридатских войн, однако последующее разрушение города гетами воспрепятствовало дальнейшему развитию связей. После восстановления Ольвия бесспорно ориентировалась на Рим, видя в нем своего покровителя, и в определении политического статуса своего города ольвиополиты ожидали волеизъявлений с римской стороны. В монетной чеканке римское воздействие становится господствующим не позднее, чем с середины I в. н.э. Наибольший интерес горожане испытывали к сотрудничеству с Римом в военной сфере и непосредственно имели дело с мезийскими наместниками, от энергичности которых зависела стабильность ситуации в Северном Понте.

Однако данные проримские симпатии в своем росте сдерживались недостаточно активной римской реакцией на инициативы ольвиополитов. Долгое время римляне предпочитали использовать не военные, а дипломатические средства для обеспечения безопасности Ольвии и не торопились оказывать городу прямую вооруженную помощь, что объяснялось как ограниченностью римских сил в регионе, так и слабым потенциалом Ольвии, которая представляла из себя менее ценного союзника, чем Херсонес. Пассивность в отношении Ольвии, достигшая наибольшей глубины к концу I в. н.э., должна была поколебать уверенность ольвиополитов в правильности выбранной внешнеполитической ориентации и умерить их проримский настрой, однако последующие римские действия нормализовали положение.

В первой трети II в. н.э. римляне прочно обосновались в Ольвии, разместив там свой гарнизон. Тем самым обеспечивалось нахождение в орбите римского влияния городских правящих кругов, которым гарантировалось сохранение их властного положения в городе и общая военная защита Ольвии, а взамен требовалось лишь лояльное к Риму отношение. Город внешне сохранил свой полисный статус и даже приобрел элевтерию, пользование которой, разумеется, целиком зависело от милости римлян.

Вместе с тем, римское влияние на городскую жизнь в Ольвии меньше прослеживается, чем, например, в Херсонесе. Это объясняется, с одной стороны, более скудной источниковой базой, а с другой – тем, что римляне в самом деле были более сдержаны в развитии сотрудничества с Ольвией, и соответственно, основа для роста проримских симпатий у ольвиополитов была менее благоприятной. Однако, несмотря на все сложности во взаимоотношениях с Римом, к середине II в. н.э. город стал одним из опорных пунктов римлян в Северном Причерноморье.

В параграфе 3 разбираются взаимоотношения Тира с Римом. Тира и экономически, и политически тяготела к понтийским античным центрам Нижней Мезии, которые уже в I в. н.э. были в составе Империи, и затем тесные связи с дунайскими провинциями продолжали поддерживаться. Поэтому процесс расширения римских владений коснулся Тира раньше, чем городов Северного Причерноморья. Определяющим фактором в ориентации Тира на Рим было желание заручиться римской военной поддержкой, которая была необходима городу, вовлеченному в миграционные процессы, происходившие в Северном Причерноморье. Проримская позиция Тира оформилась еще в I в. до н.э., а развитие местного монетного дела стало определяться римским воздействием с середины I в. н.э. Необходимость военной защиты Тира была осознана римлянами раньше, чем в отношении Ольвии, что объясняется близостью Тира к провинциальным землям и более важной ролью в вопросе обеспечения безопасности римских провинций. Военное присутствие римлян, очевидно, берет отсчет с похода Сильвана, и в дальнейшем оно не прекращалось даже при Домициане. Тирасская аристократия постепенно приспособлялась к римскому владычеству, извлекая из этого выгоду, и в дальнейшем Тире была уготована судьба римского провинциального города.

Параграф 4 посвящен изучению отношения к Риму жителей боспорских городов. Зажиточные слои городского населения Боспора были заинтересованы в сохранении добрососедских отношений с Римом: помимо экономических выгод от такого союза, горожане учитывали, что поддержка Рима может понадобиться для успешного противостояния военной активности окружающих варваров. Однако боспоро-римские связи замыкались преимущественно на царе; к тому же, боспорские правители могли контролировать ситуацию в городах и вмешиваться в их жизнь. В силу этого обстоятельства полисы могли оказывать заметное влияние на развитие отношений Боспора с Римом лишь в критические моменты, когда боспорские правители шли на конфронтацию с Римом. В таких случаях городам приходилось выбирать между сохранением верности царю (с угрозой экономических потерь) и восстанием против такого монарха, пренеб-

репшего городскими интересами. Нетрудно заметить, что выбор полисов обычно склонялся в пользу второго решения (восстания против Митридата Евпатора и Фарнака, поддержка проримски настроенного Котгиса).

Отдельную нишу в развитии политических взаимоотношений с римлянами сумела занять лишь Фанагория, которая получила от них свободный статус, но и она в дальнейшем вернулась под власть боспорского царя. Судя по всему, в последующем Рим не пытался на Боспоре стимулировать стремления горожан к достижению независимости от власти царей. Усиление единоличной власти царей, очевидно, не в последнюю очередь обеспечивалось римским влиянием, и городам приходилось оставаться в фарватере политики царей, которые в основном стали ориентироваться на Рим.

Если оценивать общий политический настрой населения северопрichernоморских городов, то период митридатовых войн стал рубежным событием в зарождении у него проримских настроений. Ослабевшим полисам требовалась поддержка внешней силы, и замена понтийского покровительства римским была вполне логична. Города не были заинтересованы в военном противостоянии Риму, но, с другой стороны, еще дорожили своими полисными привилегиями и желали бы их сохранить. Поэтому для греческих полисов римское превосходство в идеале должно было принять форму покровительства при сохранении полисного статуса городов, на что римляне со своей стороны готовы были пойти.

Проримские симпатии выражались на практике в отказе участвовать в антиримских выступлениях, монетной чеканке в римском стиле и с использованием римских весовых стандартов, почитании императоров и оказании знаков уважения наместникам соседних провинций, отправке посольств к римлянам с теми или иными просьбами, стремлении городской аристократии приобрести римское гражданство и т.д. Завершающим этапом в ходе упрочения ориентации на Рим обычно являлось принятие городами римских гарнизонов, которые, с одной стороны, служили средством защиты горожан против посягательств извне, а с другой, – обеспечивали пребывание города в сфере римского контроля. Следующим шагом в развитии взаимоотношений могло стать только включение города в состав провинции.

Наиболее верны Риму были аристократические круги, чьи интересы в поддержании своего политического господства и укреплении экономических связей с соседними областями совпали с интересами римлян, нуждавшихся в союзниках среди населения греческих городов и готовых пойти на вознаграждение за их поддержку римской политики.

В шестой главе «Приоритеты в контактах Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья: военно-стратегические и торгово-экономические интересы» сопоставляются контакты в военной и экономической областях. В параграфе 1 дается характеристика сотрудничества Рима и государств Северного Причерноморья и Закавказья в военной сфере. На основе имеющейся информации военное сотрудничество можно свести к следующим основным формам: проведение совместных военных акций внешнеполитического характера против третьей стороны в тех случаях, когда вооруженные конфликты происходили на территории союзного государства или на соседних

землях; оказание Римом прямой военной поддержки своим ставленникам для захвата и удержания власти; введение римских гарнизонов на длительный срок с целью внешней защиты союзного государства и поддержания там внутренней стабильности; включение воинских контингентов союзников в состав римских вооруженных сил и оказание военной помощи римлянам; организация союзниками военных походов без прямого римского участия, но по побуждению римлян; оказание Римом материальной помощи союзникам для укрепления обороноспособности союзных государств; снабжение союзниками римских войск в ходе военных компаний; заимствования в области военного дела.

Взаимодействие в военной сфере прослеживается достаточно четко, и интерес к развитию контактов такого рода был двусторонним. Для Рима, во-первых, важен был доступ к людским и материальным ресурсам союзников, а во-вторых, имело значение использование стратегического положения союзных государств как с наступательными, так и с оборонительными целями. Союзники же взамен получали римскую помощь для сдерживания внешних и внутренних угроз.

В конечном итоге римляне отказались поставить под свой прямой контроль союзников, направляя свои усилия не на их ослабление, а, наоборот, на усиление их оборонной мощи, способной противостоять нажиму извне и таким образом предотвращать и сдерживать вражеские угрозы для самой Римской империи. Нельзя не согласиться с тем, что характер римского влияния и господства в этих областях определяется как по преимуществу военно-политический. Установление и поддержание римского господства осуществлялось силовыми средствами, и в последующем римляне старались использовать союзников в качестве защитного барьера своих владений, сочетая ослабление нажима на союзников с оказанием им поддержки, чтобы поддерживать стабильную обстановку в приграничных зонах, что в полной мере устраивало и другую сторону, находившуюся с Римом в отношениях, подразумевавших военно-политическое сотрудничество.

В параграфе 2 разбираются торгово-экономические контакты Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья, среди которых определяется значение следующих форм: работорговля; посредническая торговля; вывоз сельскохозяйственной продукции из союзных государств; торговые связи государств Северного Причерноморья и Закавказья с Римом и римскими провинциями; охрана торговых путей римскими силами; организация римлянами ремесленного и строительного производства на территории союзных государств; унификация денежного обращения; римское влияние в процессе экономического подъема северопричерноморских государств.

Сколько-нибудь активная экономическая экспансия Рима как в Северном Причерноморье, так и в Закавказье не прослеживается, и римские интересы, хотя и охватывали экономическую сферу, явно в первую очередь находились в военно-политической плоскости. Практически все формы торгово-экономических контактов Рима с местным населением были тесно связаны с военной активностью римлян и их стратегическими интересами в этом регионе. Экономические связи часто были лишь отголосками контактов военного и по-

литического характера. Экономика северопричерноморских и закавказских государств интересовала римлян не столько сама по себе, сколько как база для развития военного потенциала, который можно было бы использовать в интересах Римской империи. Для римских контрагентов экономические выгоды от поддержания дружественных отношений были, очевидно, более важны, но и здесь стабильное развитие экономики требовало не каких-либо решительных перемен, вызванных римским воздействием, а извлечения выгод из сохранения связей с регионами, вошедшими в состав Римской империи, что достигалось политическим и военным сотрудничеством с Римом.

Таким образом, при сопоставлении контактов в военной и торгово-экономической сферах приоритет следует безоговорочно отдать связям и сотрудничеству военного характера как в иерархии целей обеих сторон, так и в отношении интенсивности и важности этих контактов в процессе сближения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья.

В заключении подводятся общие итоги исследования и делаются основные выводы. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в рассматриваемый период прошли длительную эволюцию. Более сильной стороной в контактах, как правило, выступал Рим, чья воля была определяющей, но процессы и события, происходившие в областях к северо-востоку от римских провинций, напрямую влияли на римскую политику. Северо-восточное направление в политике Рима было одним из приоритетных лишь в отдельные периоды, и с течением времени становилось все более выраженным желание римлян переложить обязанности по охране подступов к непосредственным границам Римской империи на соседние государства, в наиболее сильных из которых стали видеть ценных союзников. Со своей стороны правящие слои союзных-зависимых государственных формирований готовы были следовать в фарватере политики Рима, особенно если ощущали прямые выгоды от поддержания контактов с римлянами. Взаимоотношения приобрели более сбалансированный вид, после того как римляне обозначили свое намерение отказаться от продолжения экспансии, и ниша, уготованная для «союзников», стала выглядеть более прочной. В целом, наиболее надежной основой для взаимовыгодных отношений Рима с государствами Северного Понта и Закавказья стала необходимость сдерживать военные угрозы со стороны третьих сил, и в конечном итоге как римлянам, так и их контрагентам удалось выработать систему поддержания контактов, которая была приемлемой для обеих сторон.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Панов А.Р. Помпей и Фанагория // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (3). Нижний Новгород, 2004. С. 38-42 (0,4 п.л.).
2. Панов А.Р. Взаимоотношения наместников римских провинций с зависимыми правителями (по данным киликийской переписки Цицерона) //

Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (5). Нижний Новгород, 2006. С. 38-43 (0,4 п.л.).

3. Панов А.Р. Хронология правления Асандра на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 2 (6). Нижний Новгород, 2006. С. 28-33 (0,4 п.л.).

4. Панов А.Р. К вопросу о политической ориентации Динамии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 18. М.-Магнитогорск, 2007. С. 286-291 (0,5 п.л.).

5. Панов А.Р. Армянский царь Тиридат I: взаимоотношения с Римом и проблемы оформления его власти // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. М.-Магнитогорск, 2008. С. 276-289 (0,7 п.л.).

6. Панов А.Р. Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47 – 46 гг. до н.э. // Вестник древней истории. 2008. № 4. С. 195-204 (0,8 п.л.).

7. Панов А.Р. Поход Митридата Пергамского на Боспор: проблемы интерпретации источников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (56). Вып. 9. Белгород, 2009. С. 12-17 (0,5 п.л.).

8. Панов А.Р. Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? (Боспороримские взаимоотношения в I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. 208 с (12,0 п.л.). (монография)

9. Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Арзамас: АГПИ, 2008. 359 с (20,7 п.л.). (монография)

10. Панов А.Р. Фарнак и боспороримские отношения в 63 – 47 гг. до н.э. // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1998. С. 35-41 (0,5 п.л.).

11. Панов А.Р. Развитие титулатуры Асандра на Боспоре // Античный мир. Белгород, 1999. С. 91-96 (0,2 п.л.).

12. Панов А.Р. Статус боспорских царей в I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Нижний Новгород, 1999. С. 38-40 (0,2 п.л.).

13. Панов А.Р. Проблемы политической ориентации боспорских полисов в период митридатых войн в отечественной историографии // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Арзамас, 2001. С. 215-222 (0,5 п.л.).

14. Панов А.Р. Херсонес в третьей четверти I в. до н.э.: выбор между Римом и Боспором // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Арзамас, 2002. С. 163-169 (0,4 п.л.).

15. Панов А.Р. Место Боспора и Армении в римской внешней политике на Востоке (I в. до н.э. – I в. н.э.) // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 109-117 (0,5 п.л.).

16. Панов А.Р. Особенности внешнеполитической стратегии Рима в поздне-республиканский период // Вопросы российской и всемирной истории. Арзамас, 2002. С. 114-119 (0,5 п.л.).

17. Панов А.Р. Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 106-108 (0,3 п.л.).
18. Панов А.Р. Политический статус Горгиипии в первой половине I в. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 205-210 (0,4 п.л.).
19. Панов А.Р. Боспорская экспедиция Полемона // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Вып. 2. Арзамас, 2004. С. 164-168 (0,3 п.л.).
20. Панов А.Р. Политический статус Фанагории в I в. до н.э. // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Вып. 3. Арзамас, 2004. С. 130-135 (0,4 п.л.).
21. Панов А.Р. Митридатовский план похода в Италию // Старая и Новая Европа: государство, политика, идеология. М., 2005. С. 3-8 (0,5 п.л.).
22. Панов А.Р. Утверждение Скрибония на Боспоре // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Вып. 4. Арзамас, 2005. С. 101-106 (0,4 п.л.).
23. Панов А.Р. Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 41-45 (0,4 п.л.).
24. Панов, А.Р. Кастор Фанагорийский // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2005. С. 49-52 (0,3 п.л.).
25. Панов А.Р. Внешнеполитическая активность Рима на северо-восточных границах империи: развитие взаимоотношений Рима с Арменией и Боспором в I в. до н.э. – I в. н.э. // Старая и Новая Европа: государство, политика, идеология. Вып. 2. М., 2006. С. 167-173 (0,5 п.л.).
26. Панов А.Р. Полемон II и Боспор // Иресиона. Античный мир и его наследие. Материалы III Международного научного семинара. Белгород, 2006. С. 61-66 (0,4 п.л.).
27. Панов, А.Р. Политика Калигулы на Боспоре // Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 157-165 (0,5 п.л.).
28. Панов А.Р. Особенности восприятия римлянами пределов Римской империи // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии. Арзамас, 2007. С. 110-118 (0,6 п.л.).
29. Панов А.Р. Военная карьера М.Л. Красса // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып. 5. Арзамас, 2008. С. 115-121 (0,5 п.л.).
30. Панов А.Р. Dio Cass. LIV. 24. 4-5 и проблема идентификации Скрибония // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 126-133 (0,6 п.л.).

Подписано в печать 29.06.09. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,1. Тир. 100 экз. Зак.

Учasto кооперативной печати АГПИ
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36.

102